

Роман Буревой
Мечта империи
Серия «Римские хроники», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118425
Мечта империи: АСТ, Астрель-СПб; М., СПб.; 2005
ISBN 5-17-030726-8

Аннотация

Колизей, арена, гладиаторы... Да, это Рим. Но не тот, Древний.
Это современная Римская империя, которая много веков назад сумела отбить натиск варваров. С помощью римских богов.
И теперь гладиаторы не убивают друг друга на арене.
Зато желания тех, кто поставил на победителя, – исполняются. Любые желания.
Успех, деньги, власть...
И кровь все равно льется на песок Колизея.
Платиновая кровь гениев, красная кровь людей.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава I	5
Глава II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Роман Буревой Мечта империи

*Солнце-кормилец! Ты день с колесницей горючей
Кажешь и прячешь, о пусть, возрождаясь незримо,
Вечное – ты ничего не увидишь могучей
Города Рима.*

Гораций (пер. А. Фета)

За тысячу лет, что прошли со времен Траяна Деция, основавшего Новую Империю, язык, как и все в Риме, претерпел изменения. Одни слова сохранили свое старое значение, другие приобрели новый смысл, поэтому автор нашел нужным снабдить текст примечаниями и пояснить некоторые слова и выражения, чтобы не вызывать недоумения у читателей. В конце книги собраны примечания, относящиеся к мифологии и историческим деятелям. Прочие пояснения даются по ходу повествования.

ЧАСТЬ I

Глава I

Первый день Аполлоновых игр

*«Сегодня, в двадцать первую годовщину победы в Третьей
Северной войне, император Марк Руфин Мессий
Деций Август открывает Аполлоновы игры».*

*«Акта диурна»¹, праздничный выпуск, канун Нон июля² 1974 года
от основания Рима.*

I

Пурпурный веларий³ над Колизеем разворачивался с завораживающим шорохом. Зрители, что пробирались меж рядами, невольно поднимали головы – взглянуть, как один за другим раскрываются лепестки огромного цветка. Вскоре все ряды амфитеатра погрузились в мягкий полумрак. И только арена, засыпанная оранжевым песком, оставалась ярко освещенной. По мере того как солнце будет скользить по небу, одни лепестки велария уберут, а другие развернут так, чтобы солнечные лучи неизменно освещали арену. Пурпурный полумрак рядов и золотой блеск арены – эти два истинно римских цвета повторялись всюду, в императорских знаменах и в драпировках сенаторских лож.

Гладиаторы ждали в куникуле⁴. Вот-вот должна была начаться помпа⁵. Юний Вер, как всегда, встал в первый ряд вместе с Варроном.

– Элий уже здесь, я его видела, – шепнула Клодия. – Неужели ему нравится смотреть игры после того, что с ним произошло?

Внешностью она походила на юношу: коротко остриженные волосы, высокий рост, рельефная мускулатура. Но Клодия нравилась многим достойным мужам; поговаривали, что кто-то из знаменитых поэтов пишет в ее честь элегии и присылает гладиаторше в дар. Но ответной любви пока не добился.

– Элий – гладиатор, и останется им навсегда! – заявил Варрон. – Единственный, кто достоин этого звания, клянусь Юпитером! Он полил кровью эту арену, как и полагается бойцу. Правда, это была его собственная кровь.

Четверо темнокожих носильщиков в набедренных повязках из золотой парчи вынесли из боковой галереи парадные носилки. Сидящий в них невысокий упитанный человек в белой тоге отер тончайшим платком мокрое лицо и махнул рукой:

– Можно начинать. Император уже здесь. Две тысячи тому, кто выиграет первым вчистую, а не по очкам.

– Вер, не забудь поставить фалерна, когда выиграешь, – хмыкнул Варрон.

---

¹ «Акта диурна» – ежедневные ведомости, начали издаваться еще при Юлии Цезаре, тогда, разумеется, не на бумаге: текст вырезали на отбеленной гипсом доске. Ну а в 1974 году от основания Города это центральная газета Империи.

² 6 июля. Ноны – 7-е число в марте, мае, июле и октябре, 5-е число в остальные месяцы. Датой основания Города считается 753 г. до н. э.

³ Веларий – навес над амфитеатром.

⁴ Куникул – помещение под ареной.

⁵ Помпа – торжественная процессия перед началом игр или скачек.

Пронзительный рев труб заставил всех замолчать. Украшенные изображениями золотых львов ворота распахнулись. Распорядитель резко обернулся, едва не вывалившись из носилок, и пообещал:

– И еще три тысячи тому, кто выйдет на поединок без доспехов.

– Терпеть не могу, когда Пизон распоряжается, – прошипела Клодия. – У него вечно один казус за другим. Будто специально. Он был распорядителем игр, когда Элий потерял ноги.

– Элий потерял, я подобрал, – хмыкнул старина Варрон. По возрасту он был самый старший в центурии гладиаторов, в темных его волосах уже посверкивала ранняя седина.

– Дело в том, что Элий плохой боец, – назидательным тоном произнес Авреол. – Из патрициев всегда получают фекальные гладиаторы.

У Авреола была тонкая и длинная шея с острым кадыком. Едва он появился в гладиаторской школе, как к нему намертво прилипло прозвище Цыпенюк. А когда Авреол впервые шагнул на арену Колизея, на трибунах тут же завопили – «Цыпа»!

– Разумеется, Элий не может равняться с тобой, Цыпа, – усмехнулся Вер. – Ты неповторим.

Авреол принял его слова за чистую монету и приосанился.

– Со мной вообще никто не может равняться. И в этом году победителем Аполлоновых игр объявят меня. – Он бросил выразительный взгляд на Вера.

– Уж скорее тебя выберут первым консулом ⁶ в будущем, – парировал тот.

– Когда-нибудь я стану консулом, – заявил Цыпа. – Все знают, как я талантлив. В три года я научился читать, а в пять знал «Илиаду» и «Одиссею» наизусть. Ты мне не веришь?! – гневно воскликнул он, заметив улыбку на губах Вера.

– Ну что ты, ни минуты не сомневаюсь. Наверняка, знание «Илиады» колоссально помогает на арене.

– Он над нами издевается! – оскорбился Авреол. – Его следует исключить из гладиаторов!

– Вер – самый лучший боец, – напомнила Клодия.

– А гладиатор плохой! – Не унимался Авреол. – Он нас презирает. Разве ты не видишь?! Нас и тех, чьи желания выполняет.

– Презираю? Что за абсурд! Мне платят, я машу мечом. На остальное мне плевать, даже на то, что ты обо мне думаешь, Цыпа.

«Интересно, доставляют ли людям радость те желания, которые исполняет Цыпа?» – подумал с усмешкой Вер.

И с удивлением отметил, что Цыпа побеждает чаще, чем этого можно было ожидать.

– *«Апис, кулачный боец, никого и не ранил. За это*

Был от соперников он статуей этой почтен», – процитировал Вер напоследок любимого Лукиана. Он не знал, почему все время шутит. Может, потому, что молод. На самом деле внутренне он не смеялся.

Носилки Пизона уже появились на арене. Следом шествовали трубачи. И, наконец, по двое, печатая шаг, выступили гладиаторы. Помпа... Сотню лет назад и тысячу лет назад она была почти такой же. Менялись сенаторы, музыканты, их трубы, гладиаторы и зрители, оружие и одежда, закуски, которые разносили в перерывах расторопные торговцы. Дважды реконструировали амфитеатр Флавиев, все чаще его стали называть Колизеем; веларий из парусины, что прежде натягивали моряки, сменился пластиковой крышей; появился пулене-

---

⁶ Консул – высшее должностное лицо в Древнем Риме. Тогда консулов было двое, совершенно равных, их переизбирали каждый год. В новое время, несмотря на страстную привязанность римлян к традициям, систему удалось реформировать. Консулы избираются раз в пять лет, первый консул – премьер-министр, второй – министр иностранных дел. В древности такого деления не было.

пробиваемой экран над императорской ложей после того, как императора Корнелия застрелили из винтовки во время Больших Римских игр. Поставили комментаторские кабины и громкоговорители. Радио транслировало прямые репортажи на всю Империю. Преторианская гвардия ⁷ надела пуленепробиваемые нагрудники. Но каждые игры открывались помпой, и гладиаторы совершали круг почета, проходя мимо императорской ложи, а затем мимо лож сенаторов.

Император Руфин любил игры и всегда присутствовал на их открытии. Императору недавно исполнилось пятьдесят два; близкие знали, каков он – самоуверенный, холодный, расчетливый, преисполненный тщеславия человек. Но гражданам Империии импонировала его рациональность, его не всегда остроумные циничные шутки, его умение лавировать между консулами, сенатом и Большим советом. Он знал, что популярен, и любил сравнивать себя с Юлием Цезарем. Руфин шутил, уверяя, что сходство между ними явное: Гай Юлий тоже начал рано лысеть, и, как теперь Руфин, божественный Юлий появлялся повсюду в дубовом венке.

За плечом императора маячило узкое бледное лицо Цезаря ⁸. Он то выглядывал, то прятался за складками пурпурной ткани, и на губах наследника застыло испуганно-плаксивое выражение.

Процессия остановилась напротив императорской ложи. И хотя сегодня никто из гладиаторов не собирался умирать на арене, они выкрикнули, как и тысячу лет назад: «Аве, император! Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Руфин кивнул в ответ, а с трибун на арену полетели цветы. Гладиаторы двинулись дальше. Все они были как на подбор высокого роста. Победители игр щеголяли в золотых венках. Но среди этих красавцев Вер выделялся с первого взгляда. На его пшеничных волосах сверкал золотом венки победителя Больших Римских игр, но не по венку его отличали. Поверх доспехов во время помпы он накидывал затканый золотыми звездами плащ, но не из-за плаща римляне останавливали на нем взгляды. Вер шагал как будто со всеми в ногу и все же иначе, махал рукой зрителям, но при этом приветствовал не их, а бирюзовое небо над головой. Он не был похож на остальных, даже проигрывая, он все равно выглядел, как победитель. Его называли альтергладиатором. Одна половина зрителей его боготворила, другая ненавидела, но все говорили только о нем.

Веру нравились и любовь, и ненависть. Пожалуй, ненависти он отдавал предпочтение.

«А что, если б мы дрались боевым оружием? Что бы я испытывал? К примеру, я бы мог убить Клодию? Или Варрона?» – сам себя спросил Вер.

Вопрос не ужаснул его и даже не взволновал. Он не испытывал по этому поводу *ничего*.

– Ненавижу дурацкое хождение, – вздохнула Клодия.

– Кто сегодня против тебя? – спросил Варрон.

– Бык...

– А, Бык, он здоровый. Пока махнет рукой, ты успеешь обежать вокруг арены.

Бык сегодня в первый раз выходил на бой, и его никто не боялся. А зря. Новичков следует опасаться. Хлор тоже был новичком, а у Элия заканчивался второй контракт. Вер невольно передернул плечами, он старался позабыть тот день, но все равно воспоминания преследовали его постоянно. Да и трудно не вспоминать, когда Гай Элий Мессий Деций занимает место в сенаторской ложе и вместе с Марцией приветственно машет прежним своим коллегам.

– Вер, у Элия на правой ноге протез? – шепнула Клодия. Она спрашивала об этом каждый раз, когда видела Элия в Колизее.

---

⁷ Преторианская гвардия – личная гвардия императора.

⁸ Цезарь – титул наследника императора, тогда как император носил титул Августа.

– Нет, ему восстановили обе ноги. Только правая хуже срослась и осталась короче левой.

– Рассказывай! Клянусь Юпитером, у него протез, – заявил Варрон. – Иначе почему он всюду появляется в тоге?

– Ты повторяешь слово в слово то, что пишет Вилда в своем «Гладиаторском вестнике», – заметил Вер. – Или она повторяет за тобой?

Лицо Варрона налилось кровью. У Вилды был осведомитель среди гладиаторов, и многие подозревали, что это Варрон.

– Это не ее вестник, а Пизона. – Клодия игриво помахала Элию рукой. Сенатор кивнул в ответ дружески и отнюдь не покровительственно. Он всем так кивал. – Я уверена, что на следующий год Элия непременно выберут консулом.

– Пизон выложит миллион сестерциев⁹, лишь бы не допустить этого, – не без оснований предположил Варрон.

– Ставлю сестерций, что его выберут, – парировал Вер. – Просто потому что свой миллион Пизону поставить не на кого. Разве на себя.

Мысль о том, что Пизон может сделаться консулом, вызвала фурор. Заслышав смех, Пизон оглянулся и окинул подопечных подозрительным взглядом.

– Не бывать Элию в сенате¹⁰, если бы не его гладиаторское прошлое, – пробурчал Цыпа.

– Что в таком случае мешает в тебе стать сенатором? – поинтересовался Вер.

– Я еще буду.

– Да, да, все мы станем сенаторами, – хихикнула Клодия. – Я, Вер, и ты, Варрон... Хочешь носить тогу с пурпурной полосой, а, Вер?

– Нет, – с фальшивой горячностью запротестовал Вер. – Сенат – это еще хуже, чем арена. К тому же туда собрался Цыпа. Значит, я точно не пойду в курию¹¹.

– А ты, Варрон? Тебе бы пошла сенаторская тога! – не унималась Клодия.

Варрон не ответил и лишь нахмурил брови. В последние месяцы он открыто враждовал с Клодией. Это мало походило на пикировку мужчины и женщины, готовую вот-вот перерасти во взаимную симпатию. Эта была завистливая и непримиримая вражда двух бойцов, соперничающих в одном деле.

«Хорошо, что сегодня они не в паре, – подумал Вер. – Когда-нибудь они убьют друг друга, и это даже не будет смешно».

Круг замкнулся. Гладиаторы вошли в «отстойник» – небольшое помещение в куникуле, где бойцы ожидали своего выхода на арену. Те, кто должен был выступать в конце, удалились в свои раздевалки. Сегодня Вер выходит на арену первым. Едва отзвучат трубы, едва пробегут, выделывая замысловатые кульбиты, акробаты, в «отстойнике» взорвется оглушительной трелью звонок, и раздастся лишенный эмоций голос администратора: «Вер и Красавчик – на арену!»

– Не люблю я первый день игр, – буркнул Варрон. – Контрактов нет – выкладываешься за милостыню, которую Пизон именуется стипендией. Ему бы, жадобе, так платили. Завтра – другое дело. Завтра будет хороший день, ведь так, Вер? – Варрон дружески пихнул приятеля в плечо.

– Акробаты уже ушли, сейчас наша очередь, – отозвался Вер.

---

⁹ Сестерций – серебряная монета.

¹⁰ Сенат – высший орган власти в Древнем Риме, туда попадали после избрания в казначеи (квесторы). В Новой Империи сенат – выборный парламент из 600 человек.

¹¹ Курия – здание, где заседал сенат. Оно, как и храмы, было священным местом.

– Будешь снимать доспехи? – вызывающе спросила Клодия, оглядывая легкие пластиковые доспехи Вера, украшенные золотым орнаментом. – Я как-то выступала даже без нагрудника.

– И чуть не осталась без одной титьки, – поддакнул Варрон.

– А почему бы нет? – Вер принялся расстегивать ремешки наручей. – Ради блеска зрелища я могу отказаться от многого. Даже от меча. Но вряд ли мою самоотверженность оценят.

– Это не смелость, это глупость, подобное безрассудство недопустимо, – тут же подоспел со своими сентенциями Цыпа.

– Нет, Цыпа, напротив, я благоразумен и надел протектор и шлем. Так что детородный орган и голова будут целы. А без всего остального можно обойтись, – отвечал Вер. – В Эсквиллинской больнице делают универсальные протезы. Закажи там новую голову, если вдруг позабудешь строку из «Илиады».

Вер взял меч, сделал несколько оборотов кистью. Голоса разом смолкли. Не потому что в отстойнике перестали орать, а потому, что Вер никого больше не слышал. Руки двигались сами по себе, повторяя заученные движения. Краем глаза Вер заметил Красавчика. Тот уже был закован в броню с головы до ног. Пробить тупым гладиаторским мечом можно лишь места сочленений. Гораздо проще сбить Красавчика с ног. Но учитывая, что тот на двадцать фунтов тяжелее Вера, задача не из легких.

В амфитеатре все усиливался гул голосов, в куникуле нарастало напряжение.

Репродуктор ожил и зарокотал:

– Вер, Красавчик! На арену!

Будущие противники плечом к плечу шагнули к выходу. Ворота распахнулись. Арена ждала их. Совсем иная, чем во время помпы. Свет сделался ярче, слепил. А тени сгустились до черноты. Два гения в платиновых всполохах защитного поля кружили в бирюзовом небе над Колизеем. И Вер помахал им, как старым друзьям, заглянувшим в гости.

– Противники вооружены только мечами, – разносился голос из усилителей, перекрывая рев толпы. – Гладиатор Юний Вер снял нагрудник, поножи и защиту на руках.

Красавчик кинулся в атаку. Но меч рубанул воздух. Поворот, удар, и вновь Вер ускользает, а Красавчик сражается с тенью. Вер в доспехах быстр, как лесной зверь, без доспехов – молниеносен. Даже в первых рядах зрители не могут проследить за взмахом его руки. Но надо немного побаловать римлян, дать им зрелище, дать несколько томительных секунд борьбы, когда кажется, что может одолеть любой. В такие мгновения зрители режут от восторга, мужчины вскакивают с мест, а женщины близки к обмороку.

Мечи скрещиваются в высоком блоке, Красавчик тянется вверх, а Вер ныряет и рубит по ногам. Но Красавчик достаточно быстр, чтобы перемахнуть через несущийся со свистом клинок, и зрителям кажется, что это акробаты вышли на арену их позабавить. Красавчик, окрыленный первым успехом, пробует ударить противника в шею, но клинок разит воздух – Вер давно выпрямился и со скучающим видом ждет новой атаки. Красавчик решает повторить прием Вера: он тоже бьет по ногам, рассчитывая свалить противника. Вер прыгает через клинок, будто упражняется в ловкости, а не дрался. Зрители кричат от восторга и страха, они еще не забыли, как Хлор подобным ударом отрубил Элию ноги.

Красавчик вновь атакует. Вер не парирует – он ускользает змеей, почти открыто издеваясь над противником. Время разящих ударов не наступило, зрители еще не насладились до конца красотой схватки. Красавчик носится, как сумасшедший, машет мечом, лезет вон из кожи. А Вер даже не запыхался. Он *забавляется*... Вер понимает, что противнику унижительно столь несомненное превосходство. Но почему забавляться должны только зрители? Юний Вер тоже хочет веселиться.

Бойцы расходятся. Спектакль закончен. Теперь все решит один удар. Красавчик понимает это.

Гладиаторы вновь кружат по арене. В этот раз Красавчик боится атаковать. Он ждет, надеясь на прочность доспехов. Вер атакует. Красавчик парирует, но вкладывает в это слишком много силы – клинок Вера отскакивает, чтобы тут же обрушиться на голову неопытного бойца. Красавчик падает лицом в песок, но через несколько секунд приподнимается и оглядывает арену. Отличный шлем защитил, как всегда. К нему спешат два служителя, одетые Меркуриями, в крылатых шлемах и крылатых сандалиях, чтобы вытащить проигравшего за ноги с арены, а тому положено изображать мертвеца. Но Красавчик не может снести такого позора – он вскакивает и несется к выходу. «Меркурии» бегут за ним, но не могут догнать – мешают дурацкие сандалии с крылышками.

– Вер, Вер, Вер, – несется над амфитеатром Флавиев.

Юний Вер поднимает голову. Гений Красавчика исчез. А гений победитель кружит и кружит над ареной.

Только гладиаторы видят гениев. Нынешние гладиаторы, и те, кому уже вручили деревянный меч. Гай Элий Мессий Деций тоже различал платиновый абрис в вышине. Сенатор стиснул зубы, чтобы заглушить вздох. С того дня, как Хлор отрубил ему на арене обе ноги, Элий нередко видел своего гения. Но бывший гладиатор не любил вспоминать эти встречи. Порой у него появлялось чувство, что гений постоянно рядом и, спрятавшись, следит за бывшим подопечным. Чего-то ждет.

II

Три женщины сидели в первом ряду второго сектора. Впереди располагались сенаторские ложи, где на мраморных сиденьях были выбиты имена. Во втором секторе мраморные скамьи были несколько уже, чем в ложах отцов-сенаторов. Прежде второй сектор предназначался для сословия всадников¹², но теперь сюда имели доступ не только банкиры и воротилы индустрии, но так же знаменитые актеры и поэты. Иногда здесь бывали дорогие гетеры, и тогда в перерывах зрители глазели не на акробатов и бестиариев¹³ со зверьми, а на этих доступных и одновременно недоступных красавиц. Но три женщины, одетые в белое, не походили на гетер, но все три были молоды и необыкновенно красивы. Особенно одна, со сверкающими золотом кудрями. Ее палла¹⁴, будто ненароком соскользнула не только с головы, но и с плеч, давая возможность зрителям полюбоваться на их совершенные формы.

– Не надо так демонстрировать свою красоту, детка, – сказала ее соседка, роскошная матрона в шелковом платье, расшитом узором в виде павлиньих перьев. – А то зрители догадываются, кто мы.

– Ты слишком высокого мнения о людях, – заметила третья красавица с правильными, но слишком резкими чертами лица. Ее светлые, будто светящиеся изнутри глаза скорее могли оттолкнуть поклонника, нежели привлечь.

– Мне нравится тот, что выступал без доспехов, – улыбнулась златокудрая красавица, не подумав поправить паллу. – Он еще появится на арене?

– Он выиграл, – отвечала светлоокая. – Значит, будет сражаться во втором поединке.

– Мне казалось, что они должны выступить лишь по разу, – засомневалась матрона.

---

¹² Всадники – второе после сенатора сословие в Риме. Всадники носили на левой руке золотое кольцо. Тога всадника с узкой пурпурной полосой.

¹³ Бестиарий – в Древнем Риме гладиатор, сражавшийся со зверьми, здесь – дрессировщик.

¹⁴ Палла – накидка, которую оборачивают вокруг тела.

– Это в обычные дни, – пояснила светлоокая. – Когда они бьются за исполнение желаний. А сегодня гладиаторы сражаются только за премию. И значит, победитель будет один.

В этот момент на арену вновь вышел Юний Вер. Трибуны взревели.

– Ставлю бокал нектара, что Вер победит за три минуты! – воскликнула златокудрая. – Кто хочет со мной поспорить?

– Я хочу, моя Психея. – Мужчина в тоге всадника из второго ряда наклонился к плечу златокудрой красавицы.

Она обернулась и смерила наглеца снисходительным взглядом.

– А где ты возьмешь бокал нектара, когда проиграешь? – И она шепнула на ухо своей светлоокой подруге. – Ты как будто хочешь возразить?

– О, нет, Венера! Ты же знаешь, я не делаю глупостей.

– Всего лишь умеешь скрывать свои промахи, Минерва. Богиня мудрости все-таки.

– Девочки, пожалуйста, без имен, – одернула их матрона.

Поединок длился чуть больше минуты. Вер победил.

– Мы присудим ему приз сейчас или дождемся конца выступлений? – поинтересовалась светлоокая богиня.

– Куда ты торопишься, дорогая, у нас впереди вечность.

– В самом деле, посмотрим все поединки, – предложила матрона, в которой никто не хотел узнавать богиню Юнону, и это ее задевало. – Иногда занятно наблюдать за людьми. Они с таким азартом дерутся неизвестно за что.

– Признайся, этот гладиатор тебя волнует, – шепнула златокудрая на ухо Минерве. – Взгляни, какие мускулы, какие великолепные плечи. Такой торс, изваянный из мрамора, может украсить любой храм. Неужели тебя нисколько не возбуждает мужская красота?

– Ее волнует лишь мужской ум, – заметила не без яду Юнона. – А поскольку ни один мужчина не может быть умнее нее, то ни один и не способен покорить сердце Минервы.

– А вдруг наш герой так же умен, как и красив? – улыбнулась богиня любви. – Давай, устроим ему испытание, вдруг он мудрее тебя?

В этот момент зрители вновь принялись скандировать. «Вер! Вер! Вер!» – неслось по рядам.

– Боец он отменный. Опять победил, – принялась аплодировать матрона.

– Его испытание началось давно, – сказала светлоокая. – В час его рождения. Только он не знает об этом.

Они перестали болтать, потому что объявили последний поединок – Вер выходил против Авреола. В этот раз гладиаторы вооружились длинными мечами и прямоугольными щитами с металлическими умбонами ¹⁵.

– Если победит тонкошей, – презрительно фыркнула Венера, – я больше никогда не буду предаваться уладам с мужчиной. Во всяком случае, до ближайших Столетних игр.

– Ничего страшного, – успокоила ее Юнона. – Лесбийская любовь снова входит в моду.

Вер разбежался, сделал сальто и вновь встал на ноги. Такие акробатические фокусы считались среди гладиаторов вульгарными. Но Веру очень хотелось разозлить Цыпу. Без толку! Авреол владел собой изумительно. Даже проигрывая, он оставался невозмутим. Может, цитировал про себя «Илиаду»?

Поединок начался, и сразу Авреол ушел в глухую оборону. Удары Вера сыпались градом, но Цыпа их не замечал, его выносливость была почти нечеловеческой. Сколько он выдержит? Минуту? Две? Три? Авреол сделал ответный выпад, но удар пришелся по щиту Вера. Крики восторга. Дабы позабавить зрителей, Вер умудрился сделать полный оборот и

---

¹⁵ Умбон – навершие щита.

ударить ногой в щит противника. Но пока что это была только игра. Оба играли неплохо. Но Вер был артистичен, а Цыпа напоминал автомат.

– Авреол рассчитывает на промах нашего красавца, – заметила светлоокая.

– Что ты так переживаешь? – пожалала плечами златокудрая Венера. – Обет дала я, а не ты. Впрочем, такой проигрыш тебя вряд ли расстроит.

Наконец Веру надоела игра. Почти никто из зрителей не заметил, как Авреол пропустил удар. Внезапно Цыпа пошатнулся и упал на колени. Он попытался встать, но Вер не позволил. Ударил, будто крикнул: «Лежать!» И Авреол подчинился без звука.

– Какой молодец! – захлопала в ладоши златокудрая красавица. – В честь его победы я сегодня зову к себе в гости трех самых обаятельных людей на свете.

– А можно я буду одним из этих троих счастливцев? – поинтересовался нахальный красавец-всадник.

– Разумеется, если отыщешь дорогу к дверям моих чертогов, – отвечала Венера.

– Я была права, – вздохнула светлоокая Минерва. – Ни к чему было сидеть столько времени на жаре, мучиться от жажды и от дурацких приставаний глупцов.

– Надеюсь, победителю понравится наш подарок, – улыбнулась златокудрая и, поднимаясь со скамьи, будто невзначай подмигнула нахальному ухажеру.

III

Над входом в гостиницу «Император» висело огромное пурпурное полотнище с четырьмя буквами «SPQR.» – «Сенат и Народ Рима». Огромные золотые литеры колебались, когда ветер рвал полотнище и пытался унести его в небо. Чуть ниже полоскалась ткань с надписью: «Юний Вер – трехкратный победитель Больших Римских игр и двукратный победитель Аполлоновых игр». Они были почти равны – первый гладиатор, служитель Фортуны, увенчанный богиней победы Викторией, и сенат Рима. Власть Империи и отдельное желание отдельного человека.

«Рим исполняет желания», – эту формулу приказал выбить Траян Деций золотыми буквами над входом в амфитеатр Флавиев.

– Доминус Вер, у тебя не появилось свободного клейма? – услышал Вер за спиной скрипучий голос.

Оглянулся. Человек в белой тунике с серебряным значком ветерана Третьей Северной войны на левом плече изогнулся в подобострастном поклоне. Вер видел его во время Аполлоновых игр каждый год. Этот старик (гладиатор имел полное право называть его стариком, ибо просителю было далеко за шестьдесят и он давно созрел для Ахерона), всякий раз подкарауливал Вера после первого дня игр и выпрашивал клеймо задаром. Пять лет подряд. Ни разу Юний Вер не спросил, какое желание старик не может исполнить так долго.

– Доминус Вер, ты так знаменит. И ты откажешь мне, старому и больному? Вспомни: каждому гражданину Рима гарантировано исполнение желаний. Этот закон выбит на бронзовой доске.

Вер почувствовал досадную неловкость. Будто нищий попросил у него асс¹⁶, а он, Вер, имея тысячу сестерциев в кошельке, не бросил в протянутую руку медной монетки. «Но не жалость, а именно неловкость», – уточнил гладиатор сам для себя.

С некоторых пор он стал анализировать свои чувства.

«Каждому нищему обязан подавать...» Выходя из школы в Город, новичок-гладиатор брал с собой кошелек, наполненный медяками, и одаривал всех встречных нищих. Исполнять желания надо тоже с желанием. Это первая аксиома, которую они должны были

---

¹⁶ Асс – медная монета, равна четверти сестерция.

выучить в гладиаторской школе. И Вер затвердил ее, как ученики лицеев заучивают наизусть отрывки из «Илиады» и «Одиссеи».

Но старик не производил впечатление бедного. Туника его была новой и чистой, кальцеи¹⁷ – из хорошей кожи. Старик носил серебряный значок, значит должен получать военную пенсию. Но он почему-то не мог заплатить за клеймо. Порой с возрастом люди становятся необыкновенно скаредными. Они экономят каждый асс, и даже в роскошные термы¹⁸ Каракаллы норовят пройти, не платя, не говоря уже об играх. Старики, как дети, обожают собственные капризы. Но Рим достаточно мудр и достаточно богат, чтобы позволить своим старикам и детям капризничать.

– Если у тебя есть оплаченное сенатом клеймо, я его приму.

Старик отрицательно покачал головой. Империя не удостоила его своей милости. В очередях за бесплатными клеймами люди стоят годами. Порой очередь переходит от отца к сыну, потом ее наследует внук и, дождавшись своего часа, просит богов о какой-нибудь бездельце. Ибо все заветные желания сошли со своими владельцами в могилу.

– Ты же знаешь – дешевле пяти тысяч сестерциев клейма не продаются. Я вхожу в центурию¹⁹ гладиаторов. Бесплатные раздачи клейм запрещены. Если у человека нет денег, за него платит патрон, – каждый раз Вер втолковывал это правило старику, но тот пропускал слова мимо ушей. – Попроси своего патрона, пусть заплатит. Или у тебя нет патрона?

Старик сделал вид, что не расслышал вопроса. Скорее всего, он достаточно богат и сам, просто жадничает и не хочет тратиться.

– А ты, доминус Вер, не станешь моим благодетелем? Почему бы тебе не заплатить за меня? Я поставлю твой бюст в атриум²⁰ и каждый день буду сжигать перед ним благовония. – Старик еще сильнее изогнулся. Его голос сделался слащав до приторности. – Тебе давно подobaет стать чьим-нибудь патроном.

Вер поморщился. Разговор со стариком раздражал. И сам старик раздражал. Своей настойчивостью и своей лестью. Но гладиатор не должен отказывать. Он, могущий даровать любому (или почти любому) мечту, не смеет гнать обездоленного. Из глаз старика легко, будто из крана, закапали слезы.

Вер едва сдерживал отвращение. Такое полное отсутствие гордости Вер еще ни у кого не встречал. И этот римлянин носит значок ветерана!?

Гладиатор уже собирался сказать что-нибудь резкое, но тут ему в голову пришла остроумная мысль:

– А у сенатора Элия ты был?

Старик вновь отрицательно покачал головой.

– Обратись к нему, и Элий станет твоим патроном. Он обожает покровительствовать. Интересно, какой фокус придумает Элий, чтобы отвертеться от попрошайки?

Двое репортеров направились к знаменитому гладиатору, на ходу щелкая фотоаппаратами. Впереди молодой парень, за ним – Вилда, рыжая девица, чем-то похожая на лисичку. На кончике вздернутого носика повисли черепаховые очки. Завтра фото Юния Вера и несчастного старика появятся на первых полосах Римских ежедневников. И крупный заголовок: «Рим не хочет исполнять желание своего гражданина!» Или что-то в этом роде.

– Уходи скорее, – приказал Вер старику и отвернулся.

«Элию будет трудно от него отвязаться»... – улыбнулся про себя гладиатор.

---

¹⁷ Кальцеи – башмаки.

¹⁸ Термы – бани.

¹⁹ Центурия – сотня. Не только в армии, но и в организации промышленности, ремесленного дела.

²⁰ Атрий – центральное помещение в доме, куда выходили двери комнат. Что-то вроде холла с бассейном.

– Пару слов о сегодняшнем поединке, доминус Вер, – обратился к нему молодой репортер.

Юний Вер не успел ничего ответить, как заговорила Вилда:

– Почему распорядители ставят против тебя в поединках слабаков вроде Красавчика, а против Авреола – сильных, таких как Кусака?

«Ну вот, началось». – Гладиатор посмотрел на Вилду и ему сделалось скучно, во рту появился неприятный привкус, будто Вер съел что-то несвежее.

– Красавчик, Кусака... Они равны по силе. Напоминаю: их счет в личном поединке: десять к одиннадцати в пользу Кусаки. Это потому, что его зовут Кусака. – Вер сглатывал после каждого слова, но мерзкий привкус не проходил.

– Но все же счет в пользу Кусаки, – не унималась Вилда.

– Что ты скажешь, Вер, о шансах Авреола стать победителем Аполлоновых игр? – поинтересовался ее собрат.

– У каждого есть шанс. Допустим, меня раздавит на улице таксомотор, Варрона убьют, а Клодия отравится, тогда шансы Авреола возрастут.

– Ты считаешь себя талантливым, Вер? Говорят, что ты лишний среди гладиаторов. – Вилда поправила черепаховые очки, которые тут же сползли на самый кончик остренького носа.

– Значит, я исполняю лишние желания.

Вер прошел в стеклянные двери гостиницы. Два охранника раскинули мощные руки. Репортеры остановились, наткнувшись на них, как прибойная волна на камни. Пена возмущенных криков обдала спину гладиатора. В просторном атриум с двумя рядами беломраморных колонн царили прохлада и тишина.

– Обед в номер, – приказал Вер, беря из рук служителя ключи. – Через час. А сейчас пол-амфоры ²¹ сока. А ты не собираешься сделаться гладиатором, приятель? – Администратор отрицательно мотнул головой. – Жаль. Я бы научил тебя, как падать на песок, чтобы меч противника не выбил зубы.

Мальчик-рассыльный поднес ему венок из бледно-голубых и пурпурных роз.

– Это от служителей «Императора».

Вер поморщился – ему не хотелось принимать венок. В нем он будет походить на педика из Субуры. Но, с другой стороны, – отказаться значит оскорбить людей, искренне им восхищавшихся. Он взял венок и надел на голову.

Номер в гостинице он всегда занимал один и тот же – на двадцатом этаже, дверь с золотыми знаками «XL». Из окна открывался прекрасный вид на форум ²² Траяна. Но сейчас Вер не стал по своему обыкновению подходить к панорамному окну, чтобы полюбоваться сверканием новой позолоты на крыше реставрированной после землетрясения базилики ²³ Ульпия. Лишь мельком он глянул на статую Траяна, которую заходящее солнце обвело красным контуром. А, глянув, в который раз подумал, что Траяну-завоевателю воздвигли грандиозный памятник. А Деция, спасителя Империи, удостоили всего лишь триумфальной арки. И подарили ему имя завоевателя Траяна. Людская логика не поддается никаким объяснениям. Как и воля богов.

---

²¹ Амфора – сосуд с двумя ручками, суживающийся книзу, для хранения зерна, вина или масла. Но амфора так же – мера объема, равная 26, 26 л. Вер, разумеется, ради шутки заказывает столько сока, как какой-нибудь Титан. Хотя рассказывали, что император Максимин мог выпить за обедом целую амфору вина.

²² Форум – просторная площадь, обычно в центре города. Римский форум – центр политической жизни Рима. Когда форум стал слишком мал, императорами были построены несколько дополнительных форумов, в том числе форум Траяна. На форуме Траяна находилась базилика Ульпия, конная статуя Траяна, библиотеки, колонна Траяна и храм Траяна.

²³ Базилика – здание прямоугольной формы, разделенное рядами колонн на несколько нефов. Предназначались для судебных заседаний и других публичных собраний.

Когда Вер оставит арену, он сделается философом, потому что ни к чему другому он не пригоден. Не идти же в сенат, как Элий.

Вер сбросил одежду и прошел в ванную. Круглая чаша с черно-белым узором по ободку, вделанная в мозаичный пол, была уже наполнена прохладной водой. Вер погрузился в ванну и лежал неподвижно, созерцая мозаичное панно на стене. Обнаженная Венера с роскошными золотыми волосами до земли выходила из морской пены. Художник явно подражал Апеллесу. Вер набрал полные пригоршни воды и брызнул на мозаику. Капли потекли по бледно-розовому телу, оно заблестело, как блестит юная кожа в лучах италийского солнца.

После купанья Вер растерся жестким полотенцем и, накинув черно-красную тунику с разрезом на груди, отправился в комнату. Обед должны были уже принести. Он не ошибся – стол был накрыт. Но в номере, в удобном кресле, покрытом леопардовой шкурой (разумеется, подделка, но очень искусная), сидела гостья. На первый взгляд женщина показалась Веру необыкновенно красивой той зрелой роскошной красотой, которая всегда привлекала гладиатора. На гостье была вышитое платье из золотистого шелка по моде этого года и черная кружевная палла. Одна золотая вышивка стоила как минимум пятьсот сестерциев. Богатые и красивые женщины часто приглашают на пиры гладиаторов, особенно, когда речь идет о нарушении закона.

Вер уселся в кресло напротив элегантной гостьи, демонстративно распахнул тунику.

Надменная красавица бросила равнодушный взгляд на обнаженное тело и сказала сухо:

– Я пришла не за этим.

– А за чем же? – Вер взял за правило с подобными особами держаться нагло, не желая быть униженным.

– Хочу купить клеймо.

– Ах, вот как! – Вер неторопливо запахнул тунику. – Тогда почему ко мне? Тебе стоило обратиться к моему агенту. У него еще есть свободные клейма. Кажется.

– Но времени осталось слишком мало. Я решила действовать наверняка.

Голос ее звучал естественно, и ее объяснение выглядело почти правдоподобным. И все же... что-то заставило Вера усомниться. Может, лучше прямо указать ей на дверь?

– Это очень сложное дело, – она понизила голос. – Твой агент мне бы отказал.

– Насколько сложное? – Вер подался вперед. Почувствовал, как внутри него собирается холодный комок. Этот щемящий холодок ни с чем не спутать. Наверное, боги, верша чужьи судьбы, испытывают нечто подобное. Многие ради одного этого чувства надевают доспехи гладиатора.

– Один шанс из ста...

Вер понимающе хмыкнул:

– Или меньше?

– Может быть. – Она положила на стол бумагу с вероятностным расчетом. Вер лишь мельком глянул на листок. Штамп цензора из Эсквилинской больницы на месте. Ну а на цифры лучше не смотреть. – Но мне сказали, что один из лучших гладиаторов может...

– Самый лучший, – поправил ее Вер.

– Разумеется. Я это и имела в виду.

Если вероятность события меньше одного из сотни, ни один гладиатор не выдаст под него клеймо. Это означает верный проигрыш. Ни один, кроме Вера. Однажды Вер победил, когда вероятность равнялась один к пятистам. Правда, тогда он зарегистрировал лишь тридцать два клейма. А сейчас у него набрано как минимум восемьдесят. Но все прочие вероятности больше десяти из ста, и он вполне бы может потянуть еще и это дело...

– О чем идет речь?

Если что-то сомнительное, если хоть одним краем касается политики или личной мести, он откажется.

Она помолчала, будто сомневалась, стоит ли вообще говорить.

– Моя дочь попала в автокатастрофу. Ей сделали операцию. Сейчас она в коме. Шанс выжить у нее один из ста двадцати.

– Твое имя?

– Сервилия Кар.

Вер взял со стола толстый, изрядно затрепанный гладиаторский кодекс за этот год, перелистал страницы. Кар... Нет, этого имени в списках не было.

– Кар – твоё родовое имя? Или имя мужа? – Многие женщины по старинному обычаю сохраняли родовые имена, но это было скорее редкостью, чем правилом. Уже веков пять или шесть женщина, выходя замуж, брала имя супруга.

– Мужа, – она запнулась на мгновение. – Мое родовое имя – Фабия.

Какой древний род! Говорят, впрочем, что из тех настоящих патрициев Фабиев никто не уцелел, а все нынешние – потомки плебеев или вольноотпущенников. Гладиатор проверил список на литеру «F» – опять все выходило чисто. В том, что имена настоящие, сомневаться не приходилось. Заказчики не лгут гладиатору. Ибо фальшивое имя означает фиктивный заказ, и желание обманщика никогда не исполнится. Хотя нет, встречаются и вруны. Заказывают, тратят деньги, но их мечта не сбывается даже в случае выигрыша. Все людские безумства предугадать невозможно.

– А имя твоей дочери?

– Летиция Кар.

Вер швырнул кодекс обратно на стол.

– Однажды я покупала у тебя клеймо. Через агента, – напомнила Сервилия.

– Ну и как, желание исполнилось?

– О да! И знаешь, что я пожелала?

Вер пожал плечами. Он никогда не интересовался ни личностями, ни делами своих заказчиков. В отличие от Элия. Тот всегда был слишком щепетилён.

– Я пожелала получить роскошную виллу в Байях²⁴. – Самодовольная улыбка тронула губы Сервилии.

Какое примитивное желание! И к тому же бессмысленное. Клеймо гладиатора может стоить дороже желанной виллы.

– Мне приглянулся дом, – продолжала Сервилия, и её словоохотливость все больше и больше не нравилась Веру. – Но хозяева ни за что не хотели продавать. А я привыкла получать свое. Когда ты выиграл, документы на право владения пропали, вилла досталась мне. Приятно, когда твои капризы исполняются!

Вер посмотрел на Сервилию с недоумением. Ни один римлянин в здравом уме не поведает такое даже близкому другу, не то что постороннему человеку, – за подобные фокусы цензоры мигом внесут имя шутника в гладиаторские книги, и придется шутнику до конца дней подавать апелляции. Все желания, исполняемые гладиаторами, строго ограничены. Хотя заказчики находят лазейки. Но не для такого обмана. Эта женщина что-то скрывает под шуршащим покровом пустословия. Что-то очень важное. Но что? Вер чувствовал возрастающую тревогу и злость. Потому что не мог разгадать её игру. Даже его насмешки не задевали гостью.

– Приятно исполнять капризы. Ты не пробовал?

– Когда захочу вылететь из центурии гладиаторов, займусь чем-нибудь подобным. Кстати, знаешь, сколько будет стоить твой заказ? Миллион сестерциев.

---

²⁴ Байи – дорогой курорт, ставший знаменитым ещё в Древнем Риме.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Вер ожидал, что она начнет торговаться. Но Сервилия молча раскрыла сумку из крокодиловой кожи. Вер предпочел бы торговлю и упреки в жадности. Щедрость настораживала. Будь у него хоть малейшая зацепка, он бы указал Сервилии на дверь. Но все было чисто: имя вне списка, заказ на излечение ребенка можно принимать от сенатора и легионера, императора и находящегося под следствием. Только осужденные лишены этого дара. Жизнь ребенка священна. Каждый род должен быть продлен. Этот пункт внес в гладиаторский устав император Корнелий за месяц до того, как его застрелили в Колизее. Ни один цензор отныне не может этому помешать. Но что-то было не так...

Гладиатор извинился, вышел в спальню и плотно прикрыл за собою дверь. Набрал номер Тутикана. Когда агент снял трубку, послышалось пение, музыка и пьяный говор. Тутикан в своем репертуаре: пригласил девочек из Субуры и веселится до утра. За двоих. За себя и за Вера.

– Слушай, Тут, ко мне пришла матрона, покупает клеймо...

– Пусть покупает... – пьяно растягивая слова, пробормотал Тутикан. – У нас еще целый десяток клейм в запасе. Сегодня я продал всего три. Одно купил полчаса назад Элий. Причем за собственные сестерции, его сенаторский фонд давным-давно иссяк.

Вер помянул Орка. Придется вернуть деньги. Элий не настолько богат, чтобы позволить себе выбрасывать пять тысяч сестерциев на чужие прихоти. Наверняка старик сказал Элию, что его прислал Вер, и сенатор без звука выложил нужную сумму. Неужели его друг разучился понимать шутки?

– Мне что-то не нравится в новом заказе. Проверь по своим каналам имя. Сервилия и Летиция Кар. Запомнил?

– Ну, Летиция, ну Кар... Кар... ха-ха... чистое имя. Я помню все запретные наизусть, поверь мне.

– Хорошо, – согласился Вер, – поверю, хотя ты и пьян. – А сам чувствовал: нет, не хорошо, а мерзко, мерзко все. – Какой у нее будет номер?

– Восемьдесят девятый. Отличный номер. Сколько ты с нее заломил?

– Миллион.

– Смеешься? Что, так мало шансов?

– Один к ста, а может, и того меньше.

– Ну, тогда да, непременно миллион. Умница, Вер. Клянусь Геркулесом, мы построим на берегу Неаполитанского залива для тебя шикарную виллу.

– Если она будет хоть в половину такой же, как у тебя, согласен. Ладно, регистрируй заказ, и присылай клейма. Времени почти не осталось.

«Гладиатор принимает решение на арене», – гласит старинная поговорка.

Ну что ж, Вер принял решение.

Женщина стояла у окна и смотрела на памятник Траяну. Торговые ряды уже закрывались, и форум быстро пустел. Лишь в залах Латинской и Греческой библиотек продолжали гореть огни. И в темных нишах мраморные статуи, закутанные в тоги, задумчиво взирали на затихающий после очередного шумного дня Вечный город. Непосвященный не смог бы догадаться, что статуи были разбиты во время землетрясения, и их год за годом собирали из кусочков, скрепляя металлическими болтами и склеивая синтетическим клеем. На белый с розовыми прожилками мрамор колонн ложились пурпурные отсветы, пурпуром горели стекла в окнах базилики, и даже позолота на черепице отливала багрянцем.

– Наши предки умели возвеличивать не только богов, но и своих властителей, и власть как таковую. Только власть дает бессмертие.

И она продекламировала с пафосом, старательно копируя интонации Юлии Кумской:

Римлянин! Ты научись народами править державно —

В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

(Вергилий. Пер. С. Ошерова)

Вер пожал плечами:

– Я слишком часто бываю рядом со смертью, чтобы думать о бессмертии.

– Но гладиаторов теперь не убивают на арене. – Веру показалось, что женщина произнесла эти слова с сожалением.

– Хочешь сказать, домна, что их стали убивать гораздо реже. Да, в прошлом году погиб всего один. А в позапрошлом вообще ни одного. И только Элию отрубили ноги, и он три минуты был в состоянии клинической смерти.

– Прости, Вер, я не хотела тебя обидеть. – Сервилия изобразила смущение. Очень хорошо изобразила, почти натурально. Но Вера обмануть не смогла. Эту женщину ничто не способно смутить.

В дверь постучали – явился мальчишка-посыльный от Тутикана, чтобы передать папку с клеймами. Войдя, посланец уставился на Сервилию и не мог оторвать взгляда. До чего красива! Везет гладиаторам, их посещают настоящие богини. Он тоже будет гладиатором, когда вырастет. Одно его смущало: прежде чем стать гладиатором, человеку надо сделаться убийцей.

– Очнись, приятель! – Вер похлопал мальчишку по плечу и взял папку.

Быстро пробежал глазами список покупателей. Опять какой-то жирный богач просил срочно избавить его от подагры. Лучше бы не ставил в своем пожелании слова «срочно», ибо в этом случае средством исполнения станет нож убийцы. Или летящее на полной скорости авто. Или во сне ожиревшее сердце перестанет отсчитывать удары. Троица молодых патрициев (возможно, друзья) просили излечить их от сифилиса. Здесь проще: если Вер победит, то утром в дверь к трем счастливцам постучит центурион вигил²⁵ в сопровождении медика из Эсквилинской больницы и отправит молодых шалопаев под конвоем для прохождения принудительного лечения. Какая-то дурочка просила о красавце-женихе, и чтоб знакомство состоялось еще до Календ²⁶ августа. Она его получит на месяцок-другой. А потом он окажется в карцере за растрату. Не стоит исполнять желания впопыхах.

Физик Норма Галликан (дочь или племянница прежнего префекта претория) просила «оградить ее жизнь от покушений». Неужели занятия физикой так опасны? Среди заказчиков было одно знаменитое имя – Марк Габиний, популярный актер, всадник, просил вернуть его сына под родной кров. Неудачная фраза, слишком расплывчатая и неопределенная. Странно, что Марк Габиний сам записал желание, не прибегая к услугам «формулировщиков». Спору нет, они берут огромные гонорары, порой формулировка стоит дороже клейма. Но такой человек как Марк Габиний мог к ним обратиться. «Формулировщики» придумают круглую фразу, обкатанную, как морская галька, ни одной литеры, за которую мог бы зацепиться коварный бог Оккатор, расстраивающий людские замыслы.

Было еще несколько просьб о любви. Элий, когда был гладиатором, отказывался клеймить подобные желания, пускай даже за них сулили миллионы. Элий считал подобное покушением на свободу личности. А, став сенатором, хотел даже ввести запрет на любовные желания. Но в курии у него не оказалось сторонников. Хотя вестники непрерывно публиковали возмущенные статьи по поводу принудительной влюбленности, законопроект Элия получил всего восемь голосов. Многим нравилось играть в эту лотерею. Выигранная любовь – страстная, безумная и кратковременная. Просыпаешься утром, и весь горишь от любов-

---

²⁵ Вигилы – ночная стража, пожарные и полицейские.

²⁶ Календы – первый день месяца.

ной горячки. А дня через три Венераино безумие исчезает бесследно. Гладиаторы никогда не берут заказы на «вечную» любовь. И хотя нет расчетов, сколько шансов на исполнение такого желания, Вер подозревал, что гораздо меньше, чем один к ста.

Никто лучше гладиатора не знает, как исполняются желания. Подлинные чудеса – вещь редчайшая. Небожители обманывают и хитрят, а смертные выбрасывают состояния, чтобы боги вволю поиздевались над ними. Люди не могут не желать. Это их самая большая слабость. Каждому новичку гладиаторы рассказывали анекдот про юношу, который попросил счастья, выиграл и получил на следующий день удар дубиной по голове. С тех пор он обитал в психбольнице, вполне счастливый, и не обремененный желаниями.

Вер всегда считал эту историю правдивой.

Гладиатор пересчитал свободные клейма. Их было одиннадцать. Десять можно продать, а одно – для себя. Потому что последнее, сотое клеймо гладиатор никогда не продает. Это его собственный знак, его шанс в игре. Однажды великий Марк Руф продал сотое клеймо и погиб на арене. Споткнулся на ровном месте, упал и напоролся на собственный меч.

Несколько мгновение Вер разглядывал радужную картонку с номером ХС. Может, сейчас он поступает точно так же и продает собственную жизнь за миллион сестерциев? Вер тряхнул головой. Что за глупая мысль? Имя чистое. Дело – тоже. Слишком маленький шанс? Ну и чем он рискует? Проиграет? Абсурд! Вер не может проиграть... Ну, хорошо, пусть проиграет. Но ведь это не означает смерть. Он тут же вспомнил Элия. Да, такое может приключиться. Вернее, могло. Теперь оружие гладиаторов проверяется повторно перед самым выходом на арену. К Орку в пасть все предчувствия! Миллион предлагают не каждый день.

Гостья заполнила пустые графы клейма.

«Сервилия Кар желает, чтобы ее дочь Летиция Кар вновь стала совершенно здорова».

Хорошее желание и хорошо сформулировано. Цели достигает тот, кто знает, чего хочет.

Вер разрезал клеймо и отдал Сервилии ее половину. Пачки денег уже лежали на столе. Зелено-лиловые купюры с серебристой полоской по краю. Все – по пять тысяч сестерциев. На купюре изображен божественный Марк Аврелий Антонин. Наверно потому, что мудрые властители встречается так же редко, как и пятидесятичная купюра. Вер разорвал одну из пачек. Деньги посыпались на ковер с тихим шелестом.

– Будешь пересчитывать? – Сервилия улыбнулась краешком рта, и эта улыбка очень не понравилась Веру.

– Ты же знаешь: расплата фальшивыми деньгами или другое жульничество автоматически приводят к расторжению договора. – Вер улыбнулся в ответ.

– Я знаю. – Ее голос вновь звучал абсолютно бесстрастно.

И она вышла из номера с видом победителя.

Дверь не успела закрыться, как мальчик-служитель внес завернутую в плотную вощеную бумагу посылку.

– Дар от прекрасной домны. – Он поставил посылку на стол. – Имя неизвестно.

– Открой, – приказал Вер.

Мальчик удивленно посмотрел на него.

– Посылка от женщины...

– Так открой, я же сказал. Наверняка что-нибудь занятное.

Мальчик разрезал ленты и развернул бумагу. Внутри была серебряный ларец. Изящный ключик висел на витой ручке. Мальчик повернул ключ и поднял крышку. Его негромкое «ах» говорило, что посылка в самом деле оказалась замечательная. Вер заглянул внутрь шкатулки. На обитом шелком дне лежало золотое яблоко. Вер вынул подарок. Яблоко было тяжелым, похоже – целиком из чистого золота. По кругу вилась надпись по-гречески: «достойнейшему».

– Так кто, говоришь, прислал шкатулку? – Вер старался говорить равнодушно.

– Красивая домна, вся в белом. Я поначалу подумал, что весталка ²⁷. Но потом понял, что ошибся, – захлебываясь, торопливо говорил посыльный. – А глаза необыкновенные – прозрачные, как родниковая вода, и светятся изнутри.

Судя по описанию, это не Сервилия Кар. И не ее служанка. Женщина с такой внешностью не могла никому служить.

Золотое яблоко. Суд Париса. Вот только кого с кем на этот раз яблоко раздора должно поссорить?

– Я и не знал, что тебе дарят такие подарки! – воскликнул мальчишка, решив, что уже сделался приятелем знаменитого гладиатора.

Вер отрицательно покачал головой. Яблоко из чистого золота – это не просто подарок.

IV

В полночь Юний Вер раскрыл створки ларария ²⁸. На завтрашнюю игру было продано восемьдесят девять клейм. Самое дешевое ушло за пять тысяч сестерциев – минимальная цена. В сумме набиралось почти три миллиона, учитывая взнос Сервилии. Было бы обидно в случае проигрыша возвращать все это, довольствуясь десяти процентной компенсацией.

Итак, Вер распахнул створки ларария. Внутри был миниатюрный храм с коринфскими колоннами и ажурным серебряным алтарем. На мозаичном полу искусный мастер изобразил схватку двух гладиаторов. Внутри находилось три фигурки – две бронзовые статуэтки ларов и между ними фигурка, выточенная из слоновой кости: юноша в золотой тунике и в золотом шлеме, держащий копьенос с настоящим стальным наконечником. Гений-покровитель Вера. И его посредник в общении с богами. Юний-гений. Или проще – Гюн. Вер высыпал на алтарь зеленоватый порошок и положил сверху пачку корешков от клейм. Бумага вспыхнула сама собою, скрутилась и исчезла. Не осталось даже пепла. Договор заключен. Пряный запах горящих благовоний заполнил ларарий и окутал фигурку гения. Неведомо, кому завтра боги даруют победу. Может быть, противнику Вера...

Все считают, что главную роль играют боги.

Но Веру казалось порой, что боги повинуются воле людей. А люди только изображают повиновение, чтобы боги на них не обижались.

Вер закрыл ларарий.

V

В ту же ночь в тридцати милях ²⁹ от Рима, недалеко от Пренесты ³⁰, в просторном таблине ³¹ загородной виллы немолодая женщина с густыми седыми волосами, гладко зачесанными назад, извлекла из кожаного футляра портативную машинку и поставила ее на стол. Настольная лампа освещала в основном стол и стул подле, остальная комната тонула во мраке. Женщина поставила рядом с машинкой покрытую красной глазурью чашку с остывшим черным кофе и заправила в машинку лист белой бумаги. У женщины было загорелое лицо, тонкий, изломленный хищной горбинкой нос и черные выразительные глаза. Женщина не пользовалась косметикой и не пыталась скрыть свой возраст. Ей было за пятьдесят.

---

²⁷ Весталка – жрица богини Весты. Девочка поступала в храм в возрасте 6-10 лет, обязана была соблюдать целомудрие в течение тридцати лет. После чего могла покинуть храм и даже выйти замуж.

²⁸ Ларарий – святилище домашних богов, по форме – небольшой шкафчик.

²⁹ Миля (римская) – мера длины, равная 1480 м.

³⁰ Пренеста – город, где располагался храм Фортуны.

³¹ Таблин – кабинет.

Она принадлежала к «поколению вдов», к тем, чьи мужья не вернулись с Третьей Северной войны. Прежде, чем приступить к работе, она извлекла из картонной капсулы белую палочку с золотым мундштуком – явившаяся из-за океана порочная привычка быстро завоевала Рим.

Женщина курила, пила остывший кофе и улыбалась своим мыслям. Она обдумывала будущую страницу библиона³². Когда табачная палочка догорела, женщина бросила окурочек в пепельницу в виде пьяного сатира с чашей в руке и для пробы напечатала трижды «X» на чистом листе бумаги. Стук пишущей машинки прозвучал как призыв. В тот же момент раздался негромкий шорох, платиной сверкнуло от окна в глубь комнаты, и на подоконник открытого окна прыгнул белый кот с сияющей, как альпийский снег, шерсткой, глянул на хозяйку темными загадочными глазами, громко мяукнул, перебрался в плетеное кресло и обернулся молодым человеком в красно-белой тунике и в затканном золотом щегольском плаще. Лицо его выражало ум и хитрость, надменность и снисходительность одновременно. Гость был красив, но вряд ли у кого-нибудь могло явиться желание заглянуть ему в глаза.

– Вот уж не думала, что ты носишь современные пестрые тряпки, – насмешливо воскликнула женщина, пододвигая стул и усаживаясь за машинкой поудобнее.

– Иногда хочется вновь ощутить себя молодым. Это приятно.

– Разве ты был когда-нибудь молодым?

– Очень-очень давно. Две тысячи лет назад. Но я не собираюсь на покой.

– Тебе прочитает, что я написала, или будешь диктовать дальше? – спросила Фабия.

Гость ответил не сразу. Он долго разглядывал лампу и хмурил черные, будто нарисованные брови.

– Одного не понимаю, – сказал он наконец. – Почему ты решила писать библион о Траяне Деции? Раньше тебя не интересовала история.

Фабия едва заметно вздрогнула.

«Может он читать мысли или нет?» – подумала она, искоса наблюдая за гостем.

А вслух сказала:

– Теперь на пороге Третьего тысячелетия всех интересует эта тема. – Она поспешно вынула из стола пачку машинописных страниц. – Мы остановились на том моменте, когда Деций призвал к себе Валериана и стал уговаривать его принять титул цензора, хотя в те времена должность цензора была неотделима от императорского титула. Валериан отказывался...

– Еще бы не отказываться! – перебил гость. – Это бесполезное занятие, заранее обреченное на провал, и только добродетельный Деций, мечтавший о возрождении Рима, мог придумать такой абсурд. Он хотел, чтобы из списка сенаторов вычеркнули недостойных. Как будто в Риме в тот момент можно было найти хоть одного достойного человека! Ну разве что сам Деций был чего-то достоин. Хотя бы героической смерти... Прочти, что у тебя получилось.

Фабия взяла страницу и стала читать громким, хорошо поставленным голосом:

«Деций в сопровождении преторианцев протискивался сквозь толпу на узких улочках Никополя. Маленький провинциальный городок, копирующий в своем далеке грандиозные замашки Вечного города. Сотый, а может даже и тысячный оттиск с оригинала. Город едва не достался в добычу готам³³, и был спасен вовремя подоспевшей Римской армией. Но до подлинной победы было еще слишком далеко – полчища готов уходили назад к Данубию³⁴ с огромной добычей и тысячами пленников.

³² Библион (*греч.*) – книга. В Новом Риме «библионом» называют романы.

³³ Готы – племена восточных германцев, с которыми воевал Траян Деций. В романе царство готов со столицей Танаис находится в Крыму.

³⁴ Данубий – Дунай.

Люди, хотя и узнавали императора, не торопились уступать ему дорогу. Центурион, едущий впереди на рыжем жеребце, лениво расталкивал горожан, заставляя их отступить к стенам домов. Завидев Деция, кое-кто из горожан выкрикивал приветствие. Ленивое: «Аве Деций Август!» – доносилось то справа, то слева. Но отдельные крики никак не могли слиться в сплошной гул. На грязных изможденных лицах не было восторга. И гнева тоже не было. Скорее безразличие. Казалось, им все равно – вернутся готы, или Деций прогонит их назад, за Данубий. Им неважно, кто правит Римом – Филипп Араб, Деций или кто-то иной. Быть может, одного Гордиана Благочестивого они любили, но Филипп Араб убил юного императора, и римляне приняли нового властителя как неизбежное зло. А потом солдаты расправились и с Филиппом. Рим погружался во мрак безумия. Все предчувствовали грядущую катастрофу, но никто не мог этому помешать.

Перед лавкой булочника толпа загрохотала улицей. Несколько солдат из городской стражи равнодушно наблюдали за давкой. Какой-то чужак в грязной тунике пристроился у подножия статуи и играл на свирели. Жалостливая мелодия порой перекрывала гул толпы. Никто не бросил странному музыканту ни асса.

Император остановил своего вороного жеребца возле музыканта и швырнул золотой. Юноша поймал монету на лету и, привстав, поклонился. Император двинулся дальше. А песня свирели преследовала их до самых дверей виллы, где остановился Деций. Уличный шум проникал во внутренний дворик, узкий и слишком длинный, вызывающий у человека, привыкшего к совершенству формы, глухое раздражение. Фонтан посреди двора бездействовал, а бассейн был пуст. Деций, стоя на узком, выложенным красноватым камнем бортике, разглядывал плиты на дне.

«Римляне обречены, но я должен их спасти. От готов. От болезней. От внутренних распрей. И от прочих бед. Но прежде от них самих...» – Деций ощущал себя Атлантом, держащим небо, которое вот-вот рухнет. Рухнет не потому, что слишком тяжело для его плеч, а потому, что оно хрупким стеклом треснуло сразу в нескольких местах. Император поднял голову. Прямоугольник неба, висевший над перистилем, напоминал серебро, – давно нечищенное, серое. Но блеск еще угадывался.

То и дело начинал идти дождь, но тут же переставал. Лужицы мутной воды то появлялись на дне бассейна, то вновь исчезали, просачиваясь меж камнями. Рим – такой же опустевший бассейн. Он еще может хранить воду, но фонтан бездействует, и лишь случайные дождевые капли падают на камни, даруя передышку.

Внутренние распри раздирают Рим. Внешние враги с волчьей жадностью впииваются зубами в незащищенное тело богатейшей страны. Страны, потерявшей волю к жизни. Люди не могут спасти Рим. Уже не могут. Это под силу лишь богам».

– Очень похоже на Деция, – перебил гость. – Он любил пышные фразы. Что дальше?

– Ничего. – Фабия отложила страницы.

– Ты стучишь на машинке с утра до вечера, а написала одну ничего не значащую сценку. А то, что я надиктовал тебе?! Ведь я подробно рассказал все, как было!

– Остальное мне кажется неубедительным. Я стараюсь. Но ничего не выходит. Почему-то твои слова не похожи на правду. Извини.

– Я один знаю точно, как была спасена Империя. А ты не хочешь слушать!

– Признаться, меня тянет написать нечто фантастическое, – очень тихо сказала Фабия. – Изобразить успех готов, разграбление Нижней Мезии и Фракии, гибель Деция...

– Остановись! – испуганно выкрикнул гость. – Никогда не шути с подобным. Надеюсь, ты не написала этот абсурд на бумаге.

– О нет! – покачала головой Фабия. Так спешно, что седая прядь отделилась от ее аккуратной прически и повисла надо лбом, придавая лицу печальное и растерянное выражение. –

Главное – это мечта Империи. Ты должен рассказать мне об этом, если вызвался диктовать. А если нет, я и сама управлюсь.

– Мечта Империи, – задумчиво повторил гость. – Что ты вообще знаешь об этом, Фабия?

– Об этом говорят все и постоянно.

– Что толку болтать, не зная сути?

– Так открой мне ее.

– Нет.

– Зачем же ты пришел?

– Чтобы ты написала библион. Он очень важен. – Гений помолчал и добавил почти неслышно. – Для меня.

VI

Небо было усыпано крупными звездами. На его фоне Небесный дворец казался синим мерцающим облаком. Меркурий сидел на ступенях Небесного дворца и смотрел вниз. Захватывающее зрелище. С такой высоты Рим напоминал сверкающий драгоценный камень. Внизу плескалось Внутреннее море. На африканском берегу сверкал золотыми огнями Карфаген. Веселилась и сходила с ума Александрия, и Антиохия подпирала вечернее небо стеклянными небоскребами. Сотни и сотни огней бесчисленных городов блестели вдоль побережья золотыми искрами.

В последнее время Меркурий все реже появлялся в Небесном дворце, все больше затягивала его земная жизнь, все интереснее становились игры людей. Особенно одна под названием: «Рост капитала». Меркурий понимал, что его поведение мелочно для небожителя, но ничего не мог с собой поделать. Игры людей захватывали куда сильнее божественных забав.

Налюбовавшись землей с высоты, бог торговцев и жуликов подошел к золотым дверям, и те бесшумно отворились. Перед Меркурием уходил вдаль огромный атрий. С наступлением темноты стены и пол начали светиться синеватым светом. Меркурий не удержался и топнул по голубым плитам. В ответ послышался металлический гул небесной тверди.

Множество дверей, что выходили в атрий, выглядели совершенно одинаково. Из одной вышла пышнотелая жгучая брюнетка в тунике из голубого шелка. Увидев Меркурия, богиня остановилась и одарила бога игривым взглядом. На плече брюнетка держала амфору. Меркурий потянул ноздрями воздух. Амброзия! Каждый, кто попадал в Небесный дворец, сразу чувствовал этот ни с чем не сравнимый запах, аромат пищи богов, дарующей бессмертие. Меркурий хотел поначалу последовать за смазливой богинькой, имя которой он позабыл, но решил повременить – в Небесном дворце его ждало одно дело, куда более важное, чем прием божественной пищи.

Бог торговцев, жуликов и путей сообщения отыскал нужную дверь и предусмотрительно постучал.

– Да! – донесся изнутри хриплый голос. – Это ты, Купидон?! Я же сказал: убирайся, чтобы я тебя не видел! Ты уже трижды стрелял в меня, и каждый раз вместо сердца попадал в яйца. А это гораздо болезненней.

– Нет, это не Купидон, – засмеялся Меркурий и вошел.

На просторном ложе развалился здоровенный детина в красной тунике. У него были черные волосы и коротенькая борода, мясистый нос и толстые губы. Лежащий держал в руке бокал, а сидящая на корточках подле ложа красавица массировала ему ступни. Одна нога Вулкана была заметно короче другой и сильно искривлена – падать с Олимпа было высоко. Две женские статуи из золота, сделанные так искусно, что казались живыми, стояли

подле ложа. Когда небожитель желал выпить, одна из статуй тут же наклонялась и наполняла кубок.

– Приветствую тебя, Вулкан! – сказал Меркурий.

Божественный собрат не особенно обрадовался визитеру.

– У тебя ко мне дело, или пришел потрепаться? – нахмурился Вулкан.

– То, что я узнал, заинтересует тебя как куратора рудников.

Вулкан презрительно фыркнул:

– Меня ничто не интересует. Кроме того, с кем сегодня спит Венера. Ты случайно этого не знаешь?

Венера! Рогоносца волнует лишь его блудливая женушка. Наверняка с утра мастерила сто первую ловушку, чтобы поймать очередного любовника в кровати богини любви. И что только боги и смертные находят в этой красотке? Почему Марс бегаёт с перекошенным лицом по бесконечным галереям Небесного дворца и неустанно повторяет: «Венера! Венера!» Биржевые операции куда интереснее самых головокружительных любовных интриг. Меркурий тоже побывал в объятиях Венеры, но в обращении с женщинами был практичен и предпочитал являться к ним в образе козла.

– То, что я узнал, как мне кажется, представляет угрозу, – заявил Меркурий.

– Слушай, мне надоели эти разговоры об угрозах. Сегодня Аполлон устроил катастрофу еще для двух глупцов, построивших летательный аппарат. Разве не сказано в законах Второго тысячелетия, что воздух для людей запрещен? Сказано. Нет, все лезут... Допрыгались. Я правильно говорю, Аглая? – Красавица-грация кивнула. – Вот если бы ты знал, с кем спит моя милая женушка, или донес Юноне, куда сегодня отправился Юпитер в образе быка! В Небесном дворце всех интересуют только сплетни. Кстати, ты принес новый номер «Девочек Субуры»? – Меркурий отрицательно покачал головой. – Жаль. Я их очень люблю и храню некоторые номера. Особенно мне понравился последний. Аглая, – обратился он к грации. – Ну-ка достань мне этот вестник.

Аглая заглянула сначала под ложе, потом под изящный бронзовый стол на одной ножке.

– Куда-то исчез, – сказала она.

– Это Марс, проходимец, заходил, якобы для того, чтобы попросить выковать ему новый панцирь, а сам стащил моих обожаемых «Девочек»...

Меркурий с тоской посмотрел сначала на Вулкана, потом на Аглаю.

– Я хотел обратить твоё внимание на прибывшие в Массилию³⁵ торговые суда с грузом руды из колонии Конго. Руду грузят в фургоны и под охраной отправляют неизвестно куда. Такая странная руда, похожая на черную смолу. И еще...

– Послушай, я не хочу слышать про какую-то там руду, – оборвал его Вулкан.

– Это не какая-то руда. Это особая руда. Она... – настаивал его Меркурий.

– Плевать на твою особую руду! Я только что выполз из кузни. Я устал. Мне надоело в тысяча двухсот сорок шестой раз ковать невидимые цепи. А тут являешься ты и толкуешь о своей замечательной руде. Лучше выпей. Нектар или амброзия?

– Конечно, амброзия!

Золотая женщина наполнила кубок до краев. Сладкий дурман поплыл по комнате. Меркурий облизнул губы, предвкушая, и залпом опорожнил кубок. Все стало неважным: и подзрительные затеи людей, и эта руда, которая почему-то вызывала у Меркурия непреодолимый страх. Он давно не пил амброзии и сразу захмелел.

– Мы должны соблюдать величие, – разглагольствовал тем временем Вулкан. – Мы боги – недостижимые и бессмертные. Какое нам дело до людей?! Пусть копошатся на своей земле, а гении за ними присматривают. Я правильно говорю?

---

³⁵ Массилия – Марсель.

– Неправильно... – отвечал Меркурий заплетающимся языком. – Люди – очень-очень опасные существа.

– Абсурд говоришь. Они – мелкота... – Вулкан поднял бокал с амброзией. – Любой из них за этот бокал сделает все, что угодно. Убьет, задушит или превратится в философа. Потому что в этом бокале бессмертие. Я правильно говорю?

– Неправильно, – покачал головой Меркурий. – Они выпьют амброзию, но взамен не сделают ничего. Люди постоянно обманывают своих богов. В этом их суть. Кстати, я вложил немало сестерциев в прииски Республики Оранжевой Реки. Не хочешь присоединиться?

– Зачем? У меня есть моя кузня и амброзия. Что еще нужно богу? – пожал плечами Вулкан.

– Не могу пройти мимо такой сумасшедшей прибыли. Не могу и все, – признался Меркурий.

Пошатываясь, покровитель торговцев и жуликов вышел из комнаты Вулкана.

– В следующий раз не забудь захватить с собой номерок «Девочек Субуры», – крикнул ему вслед покровитель промышленности и просвещения.

В атрии ярко разряженная рыжая красавица кинулась на шею Меркурию с воплем:

– Как я рада, что ты посетил нас, бог торговли и дорог!

Она жадно поцеловала его в губы и скрылась за ближайшей дверью. Инстинктивно Меркурий схватился за пояс. Кошелек не было. Богиня воров Лаверна в триста сорок второй раз его обворовала.

Глава II

Второй день Аполлоновых игр

«К ак заявил вчера сенатор Гай Элий Мессий Деций, на ближайшем заседании сената он потребует создания комиссии для рассмотрения вопросов финансирования Физической академии, возглавляемой Трионом. Сенатор Элий не сообщил, известны ли ему факты о злоупотреблениях академии. Но все комментаторы сходятся на том, что предложение Элия о создании комиссии отнюдь не случайно».

«По заявлению консула, Рим не планирует налаживать какие-либо отношения с Чингисханом после гибели Римского посла в Яньцзине³⁶. С царствами подобного толка Рим не собирается иметь никаких отношений».

«Акта диурна» Ноны июля³⁷.

I

Ночь перед поединком гладиаторы отдают сну. После ужина, составленного личным диетологом, их посещает только массажист, а затем гладиаторы беседуют с Морфеем. Все, кроме Вера. Вер никогда не следовал скучным правилам. Строгий распорядок дня, диета, изматывающие тренировки – это не для него. Накануне поединка он отправлялся в свою любимую таверну «Медведь» в Субуре³⁸, где вечерами собирался люд отчаянный и дерзкий – возникшие Большого цирка, бестиарии, которые на арене кладут головы в пасти львам и тиграм и заставляют слонов плясать под звуки свирели.

Стены таверны, как и стены Колизея, были сложены из светло-коричневого туфа, но здесь не было мраморной облицовки и скульптур – лишь дешевая штукатурка. Таверна эта среди прочих выделялась тем, что всегда была открыта до утра, и здесь подавалось столетнее фалернское вино. Когда Вер вошел, в маленьком помещении было полно народу. В сизой пелене табачного дыма растекались желтки немногочисленных светильников. Почти все места за дубовыми столами были заняты. Но здоровенный возникший в красной тунике столкнул какого-то молокососа со скамьи, и любезно пригласил Вера занять место рядом с собой.

– Да здравствует Юний Вер! – рявкнули посетители, почти так же дружно, как и зрители в амфитеатре Флавиев.

Хозяин, огромный, как пифос³⁹, давно изучивший пристрастия знаменитого гладиатора, тут же наполнил серебряную чашу неразбавленным фалернским вином. Вер, не торопясь, пригубил, смакуя знаменитый напиток.

– Много клейм спихнул? – поинтересовался возникший, залпом осушая кубок.

– Восемьдесят девять...

Среди посетителей прошел восторженный гул: клейма на второй день игр римляне покупают неохотно, распорядители стараются свести в этот день на арене самых сильных

---

³⁶ Яньцзин – Пекин.

³⁷ 7 июля. Ноны – 7-е число в марте, мае, июле и октябре; 5-е число в остальные месяцы.

³⁸ Субура – район публичных домов и притонов.

³⁹ Пифос – большой глиняный сосуд для хранения вина, масла и других продуктов.

противников. Угадать, кто победит, почти невозможно. Все ждали последнего дня, когда предугадать пары гладиаторов проще и когда сильные дерутся с самыми слабыми.

– «Гладиаторский вестник» утверждает, что желания, которые ты исполняешь, не сбываются, – заявил широкоплечий боксер с перебитым носом, и тряхнул в воздухе обрывком бумаги. – Поэтому ты так часто побеждаешь.

Вер смерил взглядом здоровяка и не ответил. Не счел нужным. Вместо него в разговор вмешался возничий.

– Какой идиот читает «Гладиаторский вестник»? Читай «Акту диурну», приятель. Пизон не успел ее купить.

Все захохотали.

– Вер, почему бы тебе не перекупить эту сучку Вилду? Чтобы она вместо мерзких писала о тебе хвалебные статьи, – предложил возничий.

– Зачем? – спросил Вер. – Прежде она поносила Элия, теперь занялась мною. Пизон платит – она пишет. Отрабатывает сестерции.

– Ты победишь завтра, Вер, непременно победишь! – воскликнула крашеная в ярко-рыжий цвет красотка с огромными золотыми кольцами в ушах. Обольстительное тире, которое прочертили ее пышные груди в окоеме глубокого выреза, обещало немало сладостных минут. – Скоро я насобираю пять тысконок и куплю у тебя клеймо.

– Клеопатра, душка, – загоготал возничий. – Ты скорее родишь, нежели наскребешь столько!

– Соберу, – упрямо повторила Клеопатра. – К следующим играм. Я в долг возьму. У меня и так долгов десять тысяч. Или двенадцать? А, неважно. Все равно я их никогда не отдам.

– Вер, возьмешься исполнить желание шлюхи? – поинтересовался круглолицый полный молодой человек в пестрой тунике, в каких любят щеголять репортеры.

Вер пожал плечами:

– Почему бы и нет? Если она заплатит, я исполню.

– А желание разбойника? Убийцы? – не унимался толстяк и в предвкушении интересного спора, вытащил из нагрудного кармана записную книжку.

«Завтра нацарапает статейку на последней странице «Девочек Субуры», – подумал Вер. – Что-нибудь омерзительное, ни капли не похожее на мои слова».

Порой Вер замечал, что некоторые люди начинали ненавидеть его с первого взгляда. В чем причина подобной антипатии, гладиатор понять не мог.

– Убийц и разбойников цензоры вносят в гладиаторские кодексы, – напомнил Вер. – Желания преступников не исполняются.

– Я бы внес туда и шлюх, – заявил толстяк.

– Что?! – разозлилась Клеопатра. – Да я тебе... – Она заехала толстяку в нос, да так, что тот кубарем слетел со скамьи. – Бей его! – кричала Клеопатра. – Он хочет отнять у меня право римских граждан.

Все смеялись, но товарки на помощь Клеопатре не спешили.

– Ну что же вы смотрите! – кричала Клеопатра, кидаясь жареными орешками и финиками в незадачливого репортера. – Он нарушает мои права!

Все вновь захохотали.

– Вер, а ведь мы с тобой схожи, – неожиданно заявила Клеопатра, поворачиваясь к гладиатору. – Оба исполняем чужие желания. Мы с тобой – главные люди в Риме после императора.

– Клянусь Геркулесом, я знаю ее желание! – воскликнул возничий. – Клепе хочется замуж. Так ведь? Я угадал?

Клеопатра уперла руки в бока и показала насмешнику язык.

– Да, хочу, клянусь святой Венерой! Но не за пьянчужку или безларника⁴⁰ вроде тебя. А за сенатора. Вот вам, ясно?

– Такое желание не исполнит даже Вер! – выкрикнул репортер и тут же спрятался за спину возникшего.

– Отчего же. Вероятность один к двадцати, – прикинул гладиатор. – Сенатор – дряхлый старичок лет под восемьдесят, который самостоятельно не может надеть кальцеи. Случаю надо лишь организовать встречу будущей парочке. Клепа, ты будешь подавать сиятельному мужу серебряный урильник в постель.

– Засунь свой язык в анус! – Клеопатра обвела присутствующих черными сверкающими глазами. – К чему мне старик?! Я получу молодого и красивого. Вот Элий, к примеру, собирается жениться на Марции, а чем я хуже?!

– Клепа хочет выйти замуж за Элия! – закричал возникший.

– Зачем тебе Элий? – вмешался в разговор темноволосый парень в одежде фокусника. – Он самый бедный из всех шестисот сенаторов.

– Где ты нашел бедных сенаторов? – возразила Клепа. – У сенатора должно быть не меньше миллиона, или ты забыл?

– Миллион – это не так и много. Особенно для тебя, Клепа. «Акта диурна» недавно публиковала цензорский список доходов и оценку имущества сенаторов. Так вот Элий – на последнем месте, – не уступал фокусник.

– Все это фальшь, Кир! – уверенно заявил возникший. – Будучи гладиатором, Элий должен был заработать бешеные деньги.

– Он все отдал в фонд Либерты.

– Очередные выдумки вестников! – не унимался возникший.

– Редьку тебе в зад, тупица! Вер, скажи, ты же знаешь, – потребовала Клепа.

– Я не доказываю клеветнику, что он клеветет. – Вер улыбнулся, глядя возникшему в глаза. – Я его просто убиваю... – Возникший поперхнулся и на всякий случай отодвинулся подальше от Вера. – Элий, имя которого я произношу с уважением, действительно отдал свои премиальные в фонд Либерты.

– Все гладиаторы – убийцы, – напомнил возникший. – Даже Элий.

– Но он не виновен, – вступилась за своего любимца Клепа. – Иначе не сидеть ему в сенате. Цензоры за этим следят строго.

– Я не верю цензорам, – упрямылся возникший. – И твоему Элию я не верю, хотя многие считают его честным. Да я и себе не верю.

– Правильно делаешь, – ухмыльнулся Кир-фокусник.

Вер пил и не пьянел. Слушал болтовню посетителей, и не веселился. Внутри него как будто лежал кусок льда, и этот лед ничто не могло растопить – ни фалерн, ни чужой смех, ни вульгарные шутки. Даже ласки такой горячей гетеры, как Клепа, не помогли бы.

Молоденький галльский бард в голубой тунике принялся петь, подыгрывая себе испанской кифаре⁴¹. Ему аплодировали и свистели одновременно.

– Эй, парень, шел бы лучше в гладиаторы! – крикнул Кир-фокусник.

Певец смутился, поспешно уселся за свой столик, и залпом опрокинул кубок с неразбавленным вином.

– Не слушай его, он всем говорит гадости, – ободрила барда Клепа и взъерошила волосы юноши. – Ты отлично поешь.

– Вер, сделай всех талантливыми! – предложил возникший. – Чего тебе стоит!

– Вер, сделай всех счастливыми! – подхватил толстяк-репортер.

---

⁴⁰ Безларник – человек без Ларов, то есть бездомный.

⁴¹ Кифара – (здесь) гитара.

Вер отрицательно покачал головой:

– Подобные желания не исполняются.

– Это почему же?! – возмутился возничий. – Мы купим клейма. А ты победишь.

– Да, да, – радостно закивала Клепа. – Неужели тебе не надоело излечивать от геморроя и возвращать потерявшихся собачек? Это все равно, что обслуживать импотентов. Счастливые – все. Одно желание, и мы – на вершине блаженства. Непрерывный Венерин спазм.

Ее глаза блестели. Возничий положил свою широкую ладонь на пышную ягодицу Клеопатры. Ему уже казалось, что желание всеобщего счастья исполнилось.

– А если я проиграю? – спросил гладиатор. – Тогда все сделаются несчастными. Отчаяние станет нашим божеством навсегда.

– Ты не можешь проиграть! Ты выиграешь! – кричали все наперебой.

– Сколько ты хочешь за такое клеймо? Десять тысяч? Двадцать? На третий день игры берем клеймо. И все – счастливы. Все... все...

– Мало, – вмешался в разговор хозяин. – Такое клеймо должно стоить не меньше миллиона.

– Скинемся! – уверенно заявил возничий. – Мы – будущие патроны Рима. Нас причислят к богам и поставят статуи возле Колизея.

– Десять миллионов, – предложил Кир-фокусник и грохнул кулаком о стол.

– Я не продам такое клеймо.

– Брезгуешь, да? – возмутился возничий. – Ну, разумеется, после этого тебе нечего будет делать!

– Всем нечего будет делать, – уточнил Вер.

Он поднялся. Было уже слишком поздно. Даже для него. Надо вздремнуть хотя бы несколько часов перед завтрашним поединком. Но посетители «Медведя» не собирались его выпускать. Они сцепили руки и окружили его кольцом.

– Соглашайся, Вер! – вопили наперебой. – Сейчас же! Немедленно! Ты будешь самым знаменитым гладиатором Рима.

– Тебе поставят колонну, увенчанную золотой Викторией, напротив храма Юпитера Капитолийского!

– Тебя причислят к богам вместе с нами!

Вер переводил взгляд с одного лица на другое. Ему казалось, что он бредит. И эти люди тоже бредят – уже в его кошмаре. Все недоступное им кажется простым. Тяжелое – легким. Одно желание, один верный удар тупого гладиаторского меча, и более ничего не надо. Всеобщая эйфория, всегда синее небо по утрам, дожди ночью, теплая мягкая погода, тучные стада, золотые нивы, налитые пурпурные гроздья винограда, любимые жены, здоровые дети, равнодушные соседи, ленивые собаки, трусливые воины, сонливые мужчины, тучные юноши, беспамятные старики, спесивые ученые, и скука, скука, скука...

Он представил это так отчетливо, что его замутило.

– А я не желаю всеобщего счастья! – крикнул он. – Не желаю!

Все с изумлением смотрели на своего кумира. Оказывается, он не таков, каким они его себе представляли. Он другой. Они в нем обманулись.

– Да ты не гладиатор! – взревел возничий. – Ты – обманщик, жулик! Бей его!

– Не смей! – запротестовала Клепа. – Кто же поможет мне выйти замуж! – Позабыв о всеобщем счастье, она тут же вспомнила о своем маленьком частном желании.

– Отойди, женщина, не мешайся! – Кир оттолкнулся Клеопатру. – Раз не хочет исполнять, пусть вообще не исполняет. Кому нужны его малости. К Орку в пасть – вот куда...

Но эта перепалка оказалась спасительной для Вера. Он схватил скамью и метнул ее в спорящих. Массивная дубовая доска сиденья ударила возничего в грудь. Тот упал и сбил с ног еще двоих. Вер обнажил меч. Толпа отпрянула.

«Убийца... Он же убийца...» – шептали люди и пятились к стене.

Вер крутанулся на месте. Меч свистел, рассекая воздух. Держа меч перед собой, Вер стал пятиться к выходу. Никто не пытался ему помешать уйти.

Таксомотор, будто по его желанию, вывернул в узкую улочку. Вер махнул рукой, и задняя дверца услужливо распахнулась. Вер плюхнулся на сиденье, и приказал:

– В «Император», быстро.

А в ушах его гремело неостановимо: «Исполни! Исполни! Исполни!»

Разгоряченные лица, перекошенные рты, обезумевшие выпученные глаза. Они, как капризные испорченные дети, тянули к нему руки и просили: «Дай!» У них не было желаний – одни капризы. То есть нечто воистину козлиное ⁴².

Посетители таверны выскочили на улицу, но увидели лишь хвостовые огни удаляющейся машины. Вслед таксомотору полетели пригоршни фиников и жареных орешков.

– Удрал, паразит! – выкрикнул, сжимая кулаки, Кир.

– Зато я заполучу сенатора в следующем году, – радостно хихикнула Клеопатра.

II

Вернувшись в гостиницу, Вер тут же упал на ложе и уснул. Ему снилась арена и бой, то ли прошлый, то ли будущий. Станный поединок – противник все время ускользал, и Вер никак не мог его настичь. Тут что-то кольнуло гладиатора в плечо. Вер рванулся и сел на постели.

Свет в номере не горел, но гладиатор хорошо видел посетителя – окруженный платиновым сиянием, над ним склонилась фигура в шлеме с высоким гребнем. Острие копья оцарапало плечо Вера. Гладиатор чувствовал, как по коже стекают горячие капли.

– Гений Юний... – прошептал Вер, еще не очень веря, что происходящее не сон.

Личной встречи с гением он был удостоен лишь дважды: когда открылся его дар гладиатора, и еще в тот день, когда был принят в центурию гладиаторов с правом продажи ста клейм на игру. Гений непременно парит над ареной, когда гладиатор сражается, но вот так, явиться лично для разговора...

– Что-нибудь не так?

– И он еще спрашивает! – У гения был хриплый каркающий голос старого пропойцы. Постоянное нахождение в воздухе и непрерывные перелеты плохо влияют на голосовые связки даже высших существ. – Спешу сообщить, что ты совершил сегодня самый большой ляпсус в жизни.

– Ты хочешь меня убить? – Вер все еще надеялся, что видит дурацкий сон.

– Нет, я не могу этого сделать. Но завтра ты должен проиграть. Это мой приказ.

Вер облегченно вздохнул. Теперь никакого сомнения, он видит сон, причудливо изукрашенный богом Фантасом. Наяву подобное происходить не может. Никому из участников игр никогда заранее не сообщается исход поединка. Все решает ловкость и сила противников. И еще, сколько шансов исполнения желания. Чем их меньше, тем сложнее победить. Это два закона арены, других нет. Они, как кривые на графике, пересекаются в определенной точке – точке Победы. Но если им никак не пересечься, тогда проиграет самый сильный боец. Гений гладиатора обязан помогать подопечному, а не являться с угрозами. Если заказанные желания не угодны богам, клейма не сгорят на алтаре, и бой отменят. Такое случается. Но не бывало еще, чтобы гений лично вмешивался в исход поединка. Боги делают вид, что они справедливы.

– А если я выиграю?

---

⁴² Слово каприз произошло от латинского слова «козел».

– Ты не можешь выиграть, если твой гений этого не хочет! – Гость еще раз тронул гладиатора копьем.

Вер скрипнул зубами от боли, а платиновое сияние метнулось вверх, прошло потолок и исчезло. На карнизах, мраморном бюсте Сократа и углах мебели остались висеть гроздь белых разрядов.

– Клянусь Геркулесом, все это мне очень не нравится... – Вер тронул плечо.

Кровь сочилась из ранки. Он зачем-то лизнул пальцы, и ощутил во рту солоноватый вкус. Кровь была настоящей. Можно предположить, конечно, что нелепый спектакль устроил Авреол, чтобы запугать потенциального противника накануне поединка. Вер поднялся и зажег свет. Первое, что он заметил – это распахнутые дверцы ларария. Алтарь из серебра опрокинут (невероятно – ведь он был прикреплен к донышку ларария). Фигурка гения исчезла. Две бронзовые фигурки ларов сдвинуты к углам. Вер подошел к двери и повернул ручку. Дверь номера была заперта. Окна – закрыты. Если у него в гостях был человек, то как же он ушел? Вер уселся на ложе, не зная, что делать. До рассвета было еще часов пять. Гладиатор набрал номер Тутикана. Телефон долго и нудно пищал, вызывая агента, но тот не желал откликаться. Наверняка. Тутикан упился до потери сознания и теперь дрыхнет, ни о чем не ведая.

Вер швырнул трубку. И уставился на аппарат, решая, что делать. В общем-то делать было практически нечего. Можно позвонить Пизону и отменить бой. Но победитель Больших Римских и Аполлоновых игр не мог отказаться без причин от поединка. Вер испытывал невыносимое унижение. Если его гений воображает, что Вер уступит, то он ошибается. Вер не уступает. Никогда. Никому. Нигде...

Оставался один человек, который мог ему помочь. И Вер набрал номер сенатора Элия. Тот снял трубку почти сразу, выслушал, не задавая никаких вопросов, и пообещал прислать за Вером свое авто.

Администратор в атрии с изумлением глянул на гладиатора, беря ключи. Неужели можно так рисковать чужими желаниями, гуляя всю ночь напролет?

– Пойду, потренируюсь перед завтрашним поединком, – усмехнулся Вер.

Администратор так растерялся, что уронил ключи и полез под стойку их поднимать. И не вылез, пока Вер не покинул атрий.

Машина сенатора уже ждала гладиатора у входа. Пурпурная «трирема» вытянутой формой в самом деле походила на старинный корабль.

Они мчались по ночным улицам Рима. Подсвеченные прожекторами, мимо проплыли величественные храмы. Казалось, сейчас в тени портиков появятся их божественные хозяева, чтобы окинуть всевидящим оком Вечный город и подивиться его великолепию и мощи. Даже ночью Рим не казался пустынным – мраморные и бронзовые статуи так густо заселили его улицы, что казались вторым народом, ведущим тайную жизнь рядом с теми, кто сейчас покойно дремлет в спальнях или на ложах в перистилиях. Вряд ли найдется во всей Италии столько листьев аканта, сколько их украшает капители коринфских колонн. И где больше золота – в хранилище храма Сатурна⁴³, или на крышах, дверях, колоннах и барельефах – не знает никто. Реставраторы только что закончили золочение крыши храма Юпитера Капитолийского, и теперь, подсвеченная, она сверкала на фоне черного неба.

На Священной дороге в лавках всю ночь не гасли окна – торговцы цветами готовились к новому дню. Фургоны с эмблемами роз и фиалок спешили доставить свой нежный груз из ближних и дальних садов.

Почти на каждом углу попадались вывески с золочеными надписью «книги». Книжных магазинов в Риме еще больше, чем цветочных. Каждый римлянин раз в месяц обязательно

---

⁴³ В храме Сатурна хранилась казна.

заходит в книжный магазин. Это что-то вроде ритуала. Библиотеками римляне гордятся почти так же сильно, как собраниями масок благородных предков. На старости, отделившись от дел, римлянин поудобнее устраивается в плетеном кресле и читает, читает, восторгаясь мудрыми мыслями и делая выписки на вчерашнем номере «Акты диурны». И вот, глядишь, выписок и собственных комментариев набралось страниц на сто, и бывший читатель бежит с рукописью в ближайшее издательство. И новая книжка становится на полку рядом со своими предшественницами. Так процесс становится бесконечным. А это уже близко к вечности.

III

Элий, как и положено сенатору, жил в Каринах ⁴⁴. Но в отличие от соседних вилл, дом его был скромн и невелик. Древний особняк, выкупленный из казны императором Корнелием для своего младшего сына, был перестроен и заново украшен накануне Третьей Северной войны. Только перистиль остался неизменным. Наверное, непросто жить в доме, которому больше тысячи лет, и каждый день выходить в атрий, где бесконечные ряды полок заставлены портретами знаменитых предков. Императоры с надменными или задумчивыми лицами смотрели друг на друга, будто спрашивали: «И что ты такого сделал в своей жизни, очередной Август?» Между дверью в таблин и дверью в триклиний ⁴⁵ стояла копия Авентинской ⁴⁶ статуи богини Либерты. Бронзовая Свобода держала в руке факел и строго разглядывала входящих вставными стеклянными глазами.

Элий ждал Вера в таблине. Эту небольшую, украшенную потемневшими фресками комнату, сенатор любил больше других. Огромный стол из кипарисового дерева с инкрустациями слоновой костью был завален книгами. Два мраморный бюста – один старинный, прижизненный бюст Марка Аврелия, второй – портрет знаменитой актрисы Юлии Кумской работы Марции, украшали таблин. Бюст актрисы был далек от совершенства – шея слишком напряжена, волосы проработаны однообразно. Но это была первая работы Марции после ее возвращения в Рим, и заказчица от своего портрета отказалась. Элий перекупил бюст, и с тех пор голова Юлии украшала его таблин.

Гаю Элию Мессию Децию еще не исполнилось и тридцати двух. Юный возраст для сенатора и весьма почтенный для гладиатора. Впрочем, уже два года он не выходил на арену. Его дед и отец были сенаторами. Его прадеда императора Корнелия застрелили в Колизее. Родословная Элия занимала десять бронзовых досок. В Риме не так уж много оставалось аристократов, состоявших в родстве с императорским домом. Обычно с такими именами не попадают в гладиаторы. Законом запрещено выходить на арену тем, чьи ближайшие родственники служат легатами в армии или занимаются политикой. Кто поручится, что ловкий молодой боец не передаст одно из своих клейм дядюшке, который мечтает занять пост в Галлии или Испании на ближайших выборах, или получить из рук императора назначение в прокураторы ⁴⁷, обойдя строгие препоны гладиаторских правил. Но отец Элия умер от ран в Эсквилинской больнице, когда тот был еще ребенком. Дядя сгорел вместе со своим линкором за четыре дня до капитуляции Бирки. Старший брат Тиберий также пал на Третьей Северной войне. Сестра Валерия уже почти двадцать пять лет жила в Доме весталок, но это не считалось особо удачной политической карьерой. Его троюродный брат император Руфин вряд ли нуждался в служебном повышении. Никто не знал, что привело Элия на арену – скромное состояние, чья-то неизлечимая болезнь или страсть к риску. Он никогда не говорил об этом...

---

⁴⁴ Карины – аристократический район в Риме.

⁴⁵ Триклиний – столовая.

⁴⁶ Авентин – один из холмов Рима, оплот плебеев.

⁴⁷ Прокуратор – представитель императора в провинции.

Когда Вер вошел в таблин, Элий полулежал, перелистывая затрепанный кодекс в картонном переплете. На Элии была сенаторская туника с широкой пурпурной полосой, а на ногах – толстые шерстяные носки в белую и красную полоску.

– Специальная мода сенаторов? – спросил Вер, указывая на носки.

Элий улыбнулся.

– Мне с моими шрамами очень удобно.

– Шрамы только красят доблестного мужа.

– Да, да, Марция говорит то же самое. Но позволяй не демонстрировать их слишком часто. Для политика это считается дурным тоном. Как будто я специально выставляю шрамы на обозрение в надежде на дешевую популярность.

Элий поднялся навстречу другу. При этом он неуклюже качнулся: несмотря на все усилия хирургов, одна нога у него так и осталась короче другой.

– Надеюсь, ты явился ко мне не из-за этой истории со стариком?

– Это была уловка. Я просто хотел его спровадить, – признался Вер.

– Я это понял.

– И все равно заплатил?! Чтоб тебя Орк сожрал... Ладно, сразу же после игр я отдам деньги.

– Ни в коем случае, друг мой.

– Глупо отказываться. Впрочем, как знаешь. Недаром «Акта диурна» именует тебя Периклом, а Марцию сравнивают с Аспазией. И знаешь, в этом сравнении что-то есть, – засмеялся Вер.

Элий смутился:

– Не лести в глаза хотя бы ты, я этого терпеть не могу. К тому же Перикл не заводил друзей и не принимал приглашений на обед, дабы его не могли обвинить в симпатиях к кому бы то ни было. А я не скрываю своей дружбы.

– Нет, правда, ты похож на Перикла, – не унимался Вер, забавляясь смущением Элия. – Ты, как Перикл, аристократ по происхождению и сторонник демократии по убеждениям. В этом есть что-то интригующее.

– Лишь на первый взгляд. Демократия – лишь способ управления государством, имманентно ей не присущи ни справедливость, ни честность, как ошибочно считают многие. Демократия – амфора, а что в нее наливают, зависит от людей. Но глупцы, не найдя в сосуде хорошего вина, спешат разбить амфору, хотя сами наполнили ее отбросами.

– Новая речь для сената?

– Возможно. Но хватит о принципах. Насколько я понял, случилось что-то серьезное?

– Именно, – кивнул Вер. – У тебя найдется выпить?

Элий поморщился, уловив запах вина:

– Ты и так уже отдал должное Вакху.

– Выпить, – повторил Вер. – Ты же знаешь: вино не действует на меня. Так же, как и наркотики.

– Зачем же пьешь? – Сенатор пожал плечами, но налил в серебряную чашу неразбавленного фалернского вина. Вер осушил ее залпом.

– Так проще говорить умные вещи, их могут списать на винные пары.

– Ценное наблюдение. Надо будет попробовать притвориться в сенате пьяным.

– Ты никогда не говорил мне прежде, а я не спрашивал... После ранения к тебе являлся твой гений? – поинтересовался Вер.

– Как же иначе! Я перестал быть гладиатором, и он пришел расторгнуть договор.

– И что он сказал? Это очень важно.

– Ничего достойного упоминания. – Элий помолчал. – Поведал с грустным видом, что исполнять чужие желания я больше не могу. И теперь буду исполнять желания моего гения.

Потом принялся наставлять, что я должен делать, а что не должен. Не иначе, он повредился во время моей клинической смерти. Я всегда чтил гения, но в этот раз не выдержал и указал наглецу на дверь.

– То есть как? – изумился Вер. – Выгнал? Как надоевшего репортера? Ты вообще... живешь как бы... без гения?

Элий кивнул.

– Но это невозможно! – Вер запнулся. – Тот, кто расстается со своим гением, сходит с ума.

– Наверное, ты прав. Иногда я близок к этому, – охотно согласился Элий. – Но достаточно почитать выступления отцов-сенаторов а «Акте диурне», чтобы убедиться, что я – самый здравомыслящий в этой компании. Подозреваю, именно гений затащил меня в курию, он всегда отличался непомерным даже для римлянина честолюбием. Но когда покровитель решил сделать меня консулом, я обманул его надежды.

Постороннему могло показаться, что Элий шутит, но Вер знал, что друг говорит вполне серьезно.

– Сегодня мой гений предсказал мне поражение в завтрашнем поединке.

Теперь настал черед Элия удивиться:

– Такого не бывает. Это запрещено.

– Кем? Богами или людьми? Или и теми, и другими вместе? Как видишь, гениям плевать на любые запреты. Лучше перейдем в триклиний, возьмем еще по чаше вина, и я все изложу тебе по порядку, – предложил Вер.

И они перешли в триклиний. Слуга зажег старинный масляный светильник и принес кувшин вина и чаши. За ложем хозяина в нише стоял бюст Элия. Совсем недавно, насколько помнил Вер, ниша пустовала.

– Марция все-таки закончила твой бюст? Прекрасная работа!

– Она расколотила три мраморные глыбы, прежде чем ей удалось сладить с мрамором, – улыбнулся Элий. – Она клялась, что ни один резец не сможет выточить мой нос.

И он провел пальцем от переносицы к кончику носа. Нос в самом деле был очень тонок, и к тому же кривой, сломанный. Человеческая плоть может принимать самые удивительные формы, но мрамор не всегда способен ее копировать. Изваянный сенатор вышел как живой – красиво очерченный рот, начесанные на высокий лоб волосы, гладко выбритые, немного запавшие щеки, и глаза, один чуть заметно выше другого, оба с хитровой прищуриной. Несмотря на неправильность черт, лицо Элия привлекало с первого взгляда, быть может из-за грустной и в то же время доброжелательной улыбки, затаившейся в уголках губ.

– Прежде ты выглядел куда прощедушнее, – заметил Вер, разглядывая бюст. – Если ты просидишь в сенате два срока, то станешь самым большим хитрецом курии.

– Два срока! – недоверчиво покачал головой Элий. – Это похуже, чем заключить второй гладиаторский контракт.

Хлор заменил тупой гладиаторский меч на остро отточенный, когда истекал второй контракт Элия. Фактически это была попытка убийства, но кто нанял Хлора, следствие так и не выяснило. Ибо Хлор скоропостижно скончался в карцере. Большинство придерживалось версии о мести Пизона. Однако у банкира было неоспоримое алиби. А Вилда в «Гладиаторском вестнике» методично доказывала, что гладиаторы имеют право сражаться боевым оружием, если сами того пожелают. И якобы Элий этого пожелал, а Хлор исполнил желание. Почему при этом у самого Элия оказался в руках тупой меч, Вилда не разъяснила.

– Лучше поведай мне, что случилось, – попросил Элий, пригубив вино.

Вер подробно рассказал о визите Сервилии Кар, проверке списков и заключенном договоре. Когда он закончил рассказ, Элий вновь наполнил чаши, но пить не стал, поставил свою на столик черного дерева и долго смотрел, как колеблется вино в чаше.

– Ты уверен, что ее имя чистое?

– Послушай, я не первый год обслуживаю клейма... ни я, ни Тутикан ничего не нашли.

– Твой Тутикан – глупый пьяница. Не надейся на него. Вообще никогда ни на кого не надейся, кроме себя. Задача агента – оценивать желания, распознавать, находятся ли они в общем потоке жизни или противоречат оному. Порой желание на первый взгляд кажется трудно исполнимым, но, стоит его проанализировать, и понимаешь, что это простенькое человечье «хочу» карьериста. Нетрудно бывает превратить миллион сестерциев в десять, если нити в полотне парок для этого существуют. В этом случае надо всего лишь переплести их по-своему. Но захочет человек летать, как птица, – и один гладиатор не выиграет для него такого желания... – Элий вздохнул. – Бывают скульптуры вне потока, они раскалываются, едва закончится полировка, или рукописи, которые сгорают, когда поставлена последняя точка. В некоторых судьбах нить парок завязана узлом так, что распутать его невозможно. Уметь желать – тоже наука. Я начал писать трактат на эту тему, провел анализ философии желаний и трех основных ее направлений, но пока у меня нет времени закончить.

– Не говори о философии желаний. Я зубрил ее в гладиаторской школе, но так ничего и не понял. «Минимизация вреда», «Структурные деревья желаний», «Пределы риска как пределы добра и зла», «Диалектика желаний», «Вероятностные расчеты», «Роль подсознания в формулировке желаний», – чего нам только не преподавали. Мне смертельно надоела эта нуда!

– Твоя заказчица была более способной ученицей.

– Желание Сервилиии Кар из разряда невозможных?

Элий задумался.

– Пожалуй, нет... Здесь что-то другое. Но вот что? С кем ты завтра сражаешься?

– Ты же знаешь, Пизон не сообщает заранее имя противника. Он говорит, что выбирает по жребию. Хотя наверняка врет.

Элий нажал кнопку звонка. Вновь явился слуга. На его помятом лице читалось явное недовольство.

– Котта, принеси из библиотеки все гладиаторские книги за последние десять лет.

– Не слишком ли много? – усмехнулся Вер. – Мы будем читать их до окончания игр... – и вдруг осекся. Ему надоела собственная пустая болтовня. Хотелось сказать что-нибудь серьезное, значительное, но на ум ничего не приходило.

Котта вернулся, катя тележку с огромными истрепанными книгами. Пять из них Элий передал Веру, пять других оставил себе. Но искали они напрасно. Имя Сервилиии Кар в запрещенных списках не значилось. Ей беспрепятственно можно было продать клеймо: она не занималась политикой, не была осуждена, не являлась женой, матерью или дочерью заключенного, не значилась в списках запрещенных сект. Она была чиста. И все же... именно из-за договора с нею Вер должен был завтра проиграть.

– Разумеется, я могу подчиниться гению. Но не подчинюсь. Сдохну, а не уступлю, – произнес Юний Вер с неожиданной злобой. – Знать заранее, что проиграешь! Ты когда-нибудь слышал, чтобы такую подлость устроили гладиатору? – Элий отрицательно покачал головой. – Я тоже не слышал. – Вер глубоко вздохнул. – Получается, дело не в списках. Она натворила нечто такое или задумала или... не знаю что. А что за род, к которому принадлежал ее муж? Что это за люди? Последнее время, кажется, это имя не особенно на слуху.

– Был один Кар, Марк Гарпоний, после войны нажил фантастическое состояние спекуляциями. Но наслаждаться благами ему пришлось недолго. Богач неожиданно утонул в собственном бассейне после обильных возлияний. «Все, что видишь, скоро рушится, и вслед за ним подвергнутся той же участи и наблюдавшие это разрушение. И тот, кто умирает в самом преклонном возрасте, не будет иметь никакого преимущества перед умершим прежде

времени»⁴⁸, – процитировал в заключении Элий своего любимого Марка Аврелия. – Надо полагать, что Сервилия Кар – вдова этого Марка Гарпония, судя по тому, как легко она заплатила тебе громадную сумму. К сожалению, теперь ты не сможешь выполнить ее заказ.

– Почему – к сожалению? – обескуражено спросил гладиатор.

– Клеймо должно было спасти жизнь ребенку. А жизнь ребенка священна, что бы ни стояло за этим заказом.

Заключение вполне в духе сенатора. Веру сделалось неловко. Он сам ни разу не подумал о проданном клейме как о спасении жизни. Он пытался усмотреть сложно закрученную интригу, заговор. В этих хитросплетениях судьба умирающей девочки потерялась. Интересно, какова она, сколько ей лет? Возможно, она очень красива, если похожа на мать. Посмотреть бы на нее хотя бы издалека. Ему даже стало казаться, что он сочувствует девочке почти так же, как сочувствовал ей Элий. На самом деле он просто позаимствовал это чувство у друга.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил Вер вызывающе, злясь на себя за свою бесчувственность. – Ведь я – монстр.

– Разве? Прежде не замечал.

– Я не испытываю жалости. Не умею.

– В твоём возрасте все в большей или меньшей степени звери. Только не все это знают. Кстати, почему ты пошел в гладиаторы? С твоими способностями мог бы поступить в академию.

– Элий, ты же учился в академии.

– Даже в двух.

– Вот видишь. А в конце концов очутился на арене. Я решил сократить путь и сразу подался на арену.

Дверь в триклиний распахнулась и вошла в Марция. Она двигалась стремительно, отчего казалась выше ростом. Подол ее длинного персидского халата из переливчатого шелка стлался по мозаичному полу.

– Достойные мужи, почему бодрствуете в столь поздний час?

– Боги задали нам задачу, а мы не можем ее разрешить.

Марция присела на ложе подле Элия. У нее был крупный чувственный рот и широко расставленные глаза, настолько широко, что, казалось, они немного косят. Лавина черных вьющихся волос стекала ей на спину и плечи. С Элием Марция познакомилась четыре года назад. Прежде, чем сделаться любовницей Элия, она была женой банкира Пизона. Впрочем, официально она по-прежнему была замужем за Пизоном. Затянуть бракоразводный процесс на четыре года умелому адвокату ничего не стоит.

История Вера не произвела на Марцию впечатления:

– Тоже мне, энигма! Это же инсценировка, а вы на нее купились. Если в списках имени Кар нет, значит, все чисто. Бейся, Вер, и побеждай! А сейчас иди и хорошенько выпипись.

– А как же визит гения?

Марция пожала плечами:

– Ты что, не был на спектакле Клавдия Падуанского? У него гении сверкают так, что больно смотреть, и птицами летают под стеклянной крышей театра Помпея.

– Я уверен, что это был настоящий гений, – сказал Вер. – Ты бы мне посочувствовала. Каково узнать, что твой гений подонок!

– Тогда иди и удавись! Что еще тебе делать? – разозлилась Марция. – Ты должен завтра победить. Я купила у Тутикана твое клеймо.

---

⁴⁸ Марк Аврелий. «Размышления.» 9,33.

Вер едва не выронил чашу. Этого еще не хватало! Если завтра на него повесят, кроме желания Сервиллии, еще какую-нибудь безумную прихоть Марции, то любой новичок зарежет его свинцовым мечом, и никакое мастерство не спасет. Проходимец Тутикан ничего не сказал об этом заказе! А что, если она пожелала...

– Он испугался! – засмеялась Марция. – Вер, ты чего?! У меня очень простенькое желание, даже не требует вероятностного расчета. Я попросила, чтобы нам с Элием не расстаться, не простившись.

– Что за абсурд? – Элий удивленно глянул на свою конкубину⁴⁹. – Зачем...

– Всего лишь каприз, – рассмеялась Марция и поцеловала Элия в губы. – Женщина должна исполнять капризы, иначе она утратит очарование. Так что время от времени я покупаю у Вера клейма и исполняю какую-нибудь миленькую прихоть. Обычно это всегда импровизация.

– Ты – самая капризная и самая красивая женщина в Риме! – воскликнул Вер, облегченно вздохнув.

Марция взяла чашу Элия и выпила. Потом, несмотря на сопротивление, отобрала кубок Вера и тоже осушила.

– Я закрываю военный совет. Отправляйтесь спать. Оба.

Она поднялась, всем видом показывая, что ее слова не подлежат обсуждению.

– Я готов согласиться с Марцией. Она решительна и умна. Надо быстрее получить развод, вы поженитесь... – Вер запнулся.

«Жаль только, что у вас не будет детей», – закончил он про себя.

Элий опустил голову. Вер понял, что сенатор подумал то же самое и ощутил глухую тоску и боль, но это была тоска и боль Элия, сам Юний Вер не почувствовал ничего. Хорошо еще, что он не ляпнул это вслух.

– Я велю постелить тебе в комнате для гостей, – сказал Элий. – Не стоит возвращаться в гостиницу.

Вер поднялся. Ему показалось, что Элий еще что-то собирался сказать, но почему-то промолчал. Интересно, успел Элий исполнить свое *главное* желание, пока был гладиатором, или нет? Почему-то Вер был уверен, что гладиатором Элий сделался ради чего-то важного. Мысль, что его друг вышел на арену ради денег или славы казалась оскорбительной. Несомненно, у Элия было какое-то особенное желание. Такое, для покупки которого не хватит никаких денег. Возможно, его желание тоже стоило миллион. Или было бесценно. И потому безумно. Прежде Вер никогда не задумывался над этим. Теперь же ему хотелось знать об Элии гораздо больше. Если нельзя знать все.

«Завтра непременно спрошу его...» – пообещал трехкратный победитель Больших Римских игр и двукратный победитель Аполлоновых игр.

IV

Утром друзья завтракали вдвоем – Марция еще пребывала в царстве Морфея. В доме любовника она сибаритствовала и всегда вставала поздно. Друзья уселись в сенаторскую «трирему», но Элий попросил водителя выйти и подождать. Впрочем, от Карин до амфитеатра Флавиев можно добраться за пару минут. Мимо пронесли роскошные сенаторские носилки с пурпурными занавесками. Кожа темнокожих носильщиков, натертая жирной мазью, сверкала на солнце. Разъезжать в носилках по Риму считалось особым шиком. «Новые люди»⁵⁰ обожали носилки. К тому же активисты из коллегии «Зеленый мир» вся-

---

⁴⁹ Конкубина – любовница, сожительница.

⁵⁰ Древнеримский термин, смысл его тот же, что и у выражения «новые русские».

чески приветствовали этот вид передвижения, и в Календы каждого месяца устраивали бесплатные прогулки для детей и стариков в носилках с эмблемой земного глобуса и золотым контуром богини Помоны.

«Может, стоит податься к «зеленым», вместо того, чтобы размахивать мечом на арене? – подумал Вер. – Буду защищать рыбок, насекомых, все решат, что я очень добрый. Я смогу притворяться добрым, как раньше притворялся щедрым».

– Больше не хочу быть гладиатором, – сказал он вслух. – Надоело веселить народ. Я среди бойцов лишний и все в нашей центурии чувствуют это. Что скажешь? Похоже на бред?

Вместо ответа Элий протянул гладиатору сложенный вчетверо листок:

– Это формула независимости. Ее произносили приговоренные к смерти, выходя на арену, чтобы боги не спутали их с исполнителями желаний.

– Разве боги так бестолковы? – Недоверчиво покачал головой Вер.

– Наверное. Иначе откуда в мире столько безумств? Но об этом достаточно. Итак, ты произносишь формулу и отрекаешься от помощи гения и сегодня сам решаешь свою судьбу, – объяснил Элий. – Отречение останется в силе шесть часов. Тебе этого хватит. Произнеси формулу, и угроза гения превратится в розыгрыш. Эта формула вполне легитимна.

– Ею часто пользуются?

– Я одно время нередко к ней прибегал. Когда гений становился несносен.

– Твой гений был так уж плох?

– Не знаю. Но с некоторых пор мне стало трудно ему подчиняться. Я предлагал сенаторам произносить эту формулу перед голосованием по важным вопросам, чтобы гении не могли повлиять на наши решения. Но в курии меня не поддержали.

– Хорошо, что тебя не объявили сумасшедшим. Слышать своего гения как голос постороннего – это болезнь.

– Но гладиаторы именно так и слышат голоса гениев, – напомнил Элий.

– Наверное, мы все немного не в себе...

Вер развернул листок, пробежал глазами строки:

– Что значит выражение: «И смерть исполнит мое желание»?

Элий нахмурился:

– После произнесения формулы твои клейма сработают только, если ты убьешь противника. Но ты не Хлор. После игр клейма сгорят, ты вернешь деньги. Такое бывает. Тебе достанутся положенные десять процентов за риск. Тутикан будет взбешен, но этому я придаю наименьшее значение. Только девочку жаль. Ей придется рассчитывать на свои силы и искусство медиков. А шанс у нее, ты говорил, один из сотни...

«Далась тебе эта девчонка!» – едва не вспыхнул Вер.

Уж сейчас точно он не испытывал к ней жалости.

– То есть это будет не победа? Даже если я одолею? – продолжал допытываться Вер.

Элий замялся:

– Скорее это будет ничья. Как говорят в таких случаях: «Бой закончен на ногах». Тебя это не устраивает?

«Меня устроит только победа», – хотел ответить Вер, но сдержался.

– Гений будут помогать моему противнику, – сказал вслух раздраженно.

Хитрая формула оказалась обманом. Вернее, полуобманом. А Вер хотел победить во что бы то ни стало.

– *Его гений*, – уточнил Элий. – Или ты разучился драться? Твой гений может заставить тебя споткнуться. Или ослепить на мгновение. Или что-нибудь еще. Но как раз от этого тебя и защищает формула независимости. Гений противника над тобой не властен.

Его друг прав. Поражение Веру предсказал собственный гений, и только он может заставить Вера проиграть. Но Вер не проиграет. Несмотря ни на что! Он выиграет, даже если после боя сойдет с ума.

И Вер прочел написанные на листке слова.

Элий позвал водителя, и они поехали в Колизей.

А Веру почудилось, что где-то высоко-высоко в небе заскрипела ось огромного и таинственного колеса Фортуны.

V

Вер в своей раздевалке в третий раз проверял прочность крепления доспехов, когда дверь приоткрылась, и внутрь заглянул помощник распорядителя.

– Ты в паре с Варроном, – объявил тот и исчез.

Варрон – не самая лучшая пара. «Старый» боец ловко машет двумя мечами, и уж меньше всего хотелось его убивать... Убивать? Что за чушь! Вер не собирается отправлять в пасть к Орку старину Варрона. Разумеется, нет... пусть эта сучка Сервилия обделывает свои дела в другом месте, ради нее Вер никого убивать не станет. Грязные слова. Не надо произносить из даже мысленно. Перед поединком дух должен освободиться от подобной плесени. Не стоит так же поминать подземных богов или угрожать противнику. Но сегодня Вер может ругаться последними словами, как старый центурион, сегодня он один против всех; ни боги, ни гении ему не помеха. Он свободен. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного – полная, абсолютная свобода. Он был как будто не в себе. Как будто пьян. Или сходил с ума?

– Вид у тебя неважнецкий. Плохо спал? – спросила Клодия, когда Вер занял свое место в первом ряду процессии.

Вер сделал над собой усилие, чтобы ответить в своей обычной манере:

– Приснилось, что меня избрали в сенат на пару с Авреолом. И он постоянно заваливал мои законопроекты. Представь, какой кошмар!

– Представляю и сочувствую. Сегодня ты дерешься последним, – продолжала болтать Клодия. – Хуже нет... весь изведешься.

Клодия пошла в школу гладиаторов, когда у ее жениха обнаружили неизлечимую форму рака. Его кололи сверхсовременными лекарствами, а она день и ночь отрабатывала приемы. Он высох как щепка и держался лишь на инъекциях морфия, когда она вышла на арену. Обычно гладиаторы не пытаются исполнять свои желания в первом поединке. Редко кто выигрывает такой бой. Но у Клодии не было времени. Она взяла одно-единственное клеймо для своего умирающего возлюбленного. Ее противником оказался Варрон, тогда тоже еще новичок. Судьба давала минимальный шанс. Но Клодия сломала руку и проиграла свой первый бой. Когда ее вынесли с арены, у нее был потухший взгляд приговоренного к смерти. Приговоренного, который свой поединок проиграл. Фортуна посмеялась над ней. Жених Клодии вскоре умер. Возможно, никто бы не смог выиграть этот поединок. Ну, может быть только Вер. Элий, узнав о случившемся, предложил Клодии свое клеймо в долг. Но что еще она могла пожелать? Только легкой и безболезненной смерти для умирающего: проигранное желание боги не исполняют никогда.

«Представь, что все граждане Рима купили гладиаторские клейма. Каждое второе желание исполнится. Половина римлян умрет от горя, а вторая будет рыдать от счастья», – пошутил Гюн в день заключения договора со своим подопечным.

«А у меня довольно противный гений», – решил Вер.

Насколько гений похож на своего подопечного? Как брат? Как приятель? Как адвокат? Скорее – как адвокат. Только он занят небесными интригами, а не земными. И все же... Может быть, небеса не так уж далеки от земли?

Клодия в своем горе винила Варрона. С той поры началась их непримиримая вражда. И с каждым голом вражда возрастала. Но при чем здесь Варрон? Мало ли страстных и сокровенных желаний проигрывают во время игр в Колизее! Их сгребают вместе с песком с арены, они шуршат, умирая, как грязные бумажные пакеты, улетая в небытие под порывами ветра.

Интересно, успел Элий исполнить свое *главное* желание или нет?

Вер глянул наверх, на трибуну. Молодой сенатор сидел на своем месте. Но Марция рядом не было. Неженка Марция спит и видит сладкие сны о своем браке с Элием.

– Вер, Элий может стать императором, если у него нет одной ноги? – спросил Авреол.

– Мы обсуждали этот вопрос сто пятьдесят раз, – огрызнулся Вер. – Найди тему интереснее.

– Разве Элий претендует на звание Цезаря? – пожала плечами Клодия. – У Руфина есть сын, наследник.

– Клодия, милашка, – ухмыльнулся Варрон. – Юный Цезарь – болезненное и жалкое существо. Все говорят, что он должен отречься от власти. И в этом случае – Элий кандидатура не хуже прочих. Гай Элий Мессий Деций Цезарь – так будет звучать в этом случае его полное имя.

– Неужели Марция станет женой Цезаря?! – раздраженно воскликнула Клодия. – Она же стерва!

– Ты ей завидуешь, моя Психея, – хмыкнул Варрон. – Всем известно, что ты влюблена в Элия. Но он не захотел с тобой спать. Я его понимаю.

– Заткнись, отброс арены!

Помпа заканчивалась, гладиаторы возвращались в куникул. Вер обернулся. Зрители махали платками и аплодировали. Сегодня они не разойдутся до конца дня. Даже те, чьи желания обратятся в дым, останутся в амфитеатре. Потому что сегодня Юний Вер выступает последним.

«Это будет замечательный бой», – пообещал Вер сам себе.

VI

Элий не сразу направился к своей ложе. Рассеянно отвечая на приветствия, он поднялся по лестнице к тому месту, где в проходе стоял высокий человек в красном военном плаще и золоченом броненагруднике. Было жарко, и военный не надел шлем. Но он мог позволить себе подобную вольность, ибо это был Корнелий Икел, первый префект претория⁵¹. Его смуглое горбоносое лицо с надменно изогнутым ртом было знакомо любому гражданину Рима – Икел занимал свой пост уже более десяти лет, что в принципе не являлось нарушением конституции, но многих настораживало. Народные трибуны грозили наложить вето, если кандидатура Икела будет предложена сенату для утверждения на следующий год.

Корнелий Икел слишком поздно заметил Элия, и теперь не было никакой возможности уклониться от встречи. А разговаривать с сенатором Икел не хотел. Зато Элий буквально рвался к нему: протиснувшись меж толпящихся на лестнице зрителей, он встал так, чтобы префект претория не мог проскользнуть вниз, к императорской ложе.

Корнелий Икел не сомневался, что Элий искал встречи не ради пустого разговора.

– Всего один вопрос, превосходнейший муж, – Элий улыбнулся, и эта улыбка очень не понравилась префекту претория. – Придется поговорить здесь, раз ты не пожелал сообщить, когда мы можем встретиться. Меня интересует, что делает когорта преторианской гвардии в Вероне. Преторианцы обязаны охранять императора и столицу. А вот кого они охраняют в

---

⁵¹ Первый префект претория – командир преторианской гвардии. Обычно он берет на себя командование армией во время войны, хотя главнокомандующим всегда является император.

Вероне, совершенно неясно. Учитывая, что преторианский гвардеец получает жалованье в три раза выше обычного легионера, – это не пустое любопытство.

Корнелий Икел окинул взглядом лестницу, ведущую к императорской ложе. Август опаздывал. Как же отвязаться от Элия?

– Это государственная тайна, – ничего более умного Икел придумать не смог.

Элий недоверчиво покачал головой:

– У префекта претория не может быть тайн от сената.

– Иного ответа ты не получишь, сиятельный.

Лицо Элия мгновенно переменилось, улыбка исчезла, взгляд сделался ледяным:

– У такого ответа есть два толкования, превосходнейший муж. Либо ты, Корнелий Икел, префект претория, нарушаешь закон, либо ты не знаешь сам, что делает в Вероне твой когорта! Но сенат на свой запрос получит ответ.

Икел молчал. Он не знал, зачем император потребовал направить когарту преторианцев в Верону. Но признаться в этом Корнелий Икел не мог. Потому что император может иметь тайны от префекта претория. А от сената – нет.

Почти все зрители уже заняли места на скамьях, и на лестнице никого не осталось. Элий направился к своей ложе. Корнелий Икел смотрел, как сенатор, хромя, спускается по ступеням.

– О боги! Почему нельзя купить клеймо, чтобы этот хромой козел споткнулся и сломал себе шею, – прошептал Икел.

VII

Вер не любил ждать своей очереди, как и Клодия. Он во всем был нетерпелив. Гладиаторы разошлись по своим раздевалкам, в «отстойнике» остались лишь Вер и Кассий Лентул, медик «скорой» из городской больницы. Он принадлежал к всадническому сословию, и на его форменной зеленой тунике и брюках была прошита узкая пурпурная полоса. Хотя он был молод, волосы надо лбом уже сильно поредели. Лентул носил очки. Лысина и круглые старомодные стекла делали его похожим на сельского медика, который знает своих пациентов по именам и на досуге сочиняет буколики. Во втором тысячелетии, когда патрицианский род Кассиев исчез, это имя сделалось личным, и среди сверстников Вера встречалось часто. Дело в том, что незадолго до войны вышел фильм о трибуне преторианской гвардии, убийце сумасшедшего Калигулы. Кассий Херея в исполнении красавца Марка Габиния на многие годы покорила сердца юных римлянок. Впрочем, Кассий Лентул совершенно не был похож на мужественного актера.

– На твоей медицинской машине тоже пурпурная полоса? – насмешливо спросил Вер.

Тот отложил медицинский ежемесячник и улыбнулся:

– Тебя это раздражает? Мой прапрадед был маляром. Зато отец отличился во время войны.

– А моя бабушка была продажной девкой в одном из самых дешевых лупанариев⁵² Субуры. «Уютное гнездышко»? Может, слышал? И я даже не знаю, кто мой отец. В этом есть своя прелесть. Никто тебя не опекает и не досаждаёт нравочениями.

– Не обязательно говорить об этом, – попытался ускользнуть от напора гладиатора слушатель Эскулапа.

– А почему бы и нет? Любой уважающий себя римлянин выставляет в атриии восковые маски своих предков⁵³. У некоторых их так много, что полки с масками занимают все

---

⁵² Лупанарий – публичный дом.

⁵³ В Древнем Риме выставлялись в атриии маски лишь тех предков, кто занимал высшие государственные должности.

четыре стены атрия. Когда я куплю себе виллу, в атрии будут выставлены только четыре восковых головы: прадед-носильщик, шлюха-бабка и моя мать – рядовой легионер специальной когорты Второго Парфянского легиона. Эта когорта называлась «Нереида». Может, слышал про такую? Кажется, они все погибли... вся когорта.

– Надеюсь, матерью своей ты гордишься? – сухо спросил Кассий.

Юний Вер на секунду прикрыл глаза и увидел ее как наяву, в красной военной тунике, в броненагруднике и в тяжелых калигах⁵⁴. Волосы коротко острижены, на груди висит шлем. От нее пахнет ружейной смазкой, металлом, потом и кожей. И еще табаком – этим дурманом, завезенным из Новой Атлантиды. Такой специфически мужской запах, исходящий от женщины. «Юний, – шепчет она, наклоняясь к лицу мальчонки. – Ты будешь мною гордиться. Даже если я не вернусь, ты будешь мною гордиться». – «Мама, не уходи...» – шепчет маленький Юний. Они стоят в каком-то подвале. Сырой запах, тревожный отсвет факелов на серых камнях. Подвал заставлен пифосами и амфорами. Здесь же стол – огромный, сколоченный из грубых досок. Прямой, широкий и длинный, как римская дорога. И скамьи вдоль. Смутные силуэты людей, склонившихся над тарелками. Прощальная трапеза. Юний прижимается к матери. «Завтра мы выступаем, сынок...» Больше он ничего не помнит – только этот подвал, и это прощание при свете факелов.

– Нет. Я просил ее вернуться, а она меня подвела. Она не вернулась.

Он даже не знал, как погибла его мать. И в этой неизвестности было что-то подлое с ее стороны. Потом бабушка показывала листок желтой бумаги с кратким известием: «Легионер Юния Вер погибла в третий день до октябрьских Календ». И еще – фиала⁵⁵ рядового «Нереиды». Письмо потом исчезло, а серебряная фиала осталась.

– Ты принижаешь заслуги предков, чтобы выпятить собственное мужество, – заметил Кассий.

Вер не ответил. Он и сам не знал, что на него нашло. Никогда прежде *так* он не говорил. Но, может быть, именно *так* думал? Как вообще он думал о матери? Да никак. Он и не помнил ее почти. Только эта единственная сцена прощания врезалась в память. Тогда ему было всего три года. Она держала его за руку и говорила:

«Юний, только не плачь...»

И он не плакал. Он вообще в детстве никогда не плакал. Сколько себя помнит – ни разу. Даже странно.

Что было дальше? Война была. Следующее его воспоминание: он стоит в огромной очереди за оливковым маслом, и бабка держит его за руку. Бесконечная людская спираль закручивается кольцами. Немолчный гомон, запах пота, жара, пыль, раскаленный битум мостовой, стоять нет сил, ноги подкашиваются...

«Держись, Юний, еще немного», – уговаривает его старуха.

Нестерпимо хочется пить. Юний прижимается к боку старухи. Удивительно – в такую жару ее тело влажное и холодное, как кусок недозрелого сыра. Сколько времени прошло между первым воспоминанием и вторым? Месяц? Год? Вер не знает...

«Почему я не отыскал трибуна⁵⁶ специальной когорты «Нереида» после окончания войны? – вдруг с удивлением подумал Вер. – Почему? Ведь мне даже не прислали посмертной маски моей матери. Почему я отнесся к этому так равнодушно? И письмо пропало. Теперь я не помню имени трибуна.

Но в Новом Риме подобного ограничения нет, граждане гордятся предками независимо от их положения. Мальяром или сенатором был покойный – не имеет значения. Главное, чтобы сын его помнил и чтил.

⁵⁴ Калиги – башмаки легионера, подбитые гвоздями.

⁵⁵ Фиала – значок пехотинца.

⁵⁶ Трибун (военный) – в Новом Риме командир когорты.

Сердце забилось сильнее, пульс начинал частить всякий раз, когда он произносил слово «Нереида» даже мысленно. Что-то там произошло, в этом подвале, только он не помнил – что...

В «отстойнике» зажглась лампочка. Вера ждала арена. Все ждали гладиатора, исполняющего желания.

VIII

Никто не умел так драться двумя мечами, как Варрон. Говорят, какой-то восточный мастер обучил его этому искусству. У гладиаторов подобная техника – редкость. В поединке с Варроном Вер сходилась лишь пять раз. Устроители редко ставили их в паре. Один раз выиграл Варрон. Дважды побеждал Вер. Дважды они закончили «бой на ногах». То есть не было ни победителя, ни побежденного. Вер трижды объявлялся победителем Больших Римских игр и дважды – Аполлоновых. Но в личном поединке ничего заранее предсказать нельзя.

Выйдя на арену, Вер поднял голову. В ярко-синем небе в ореоле платинового сияния парил один-единственный гений – гений Варрона. Небесного патрона Юния Вера не было видно. Варрон тоже глянул наверх, заметил странную неравновесность, но истолковал ее как дурной знак для своего противника, и хороший для себя. И первым ринулся в атаку. Один меч вращаясь, шел за другим, будто надеялся догнать стального собрата, и не мог. Каждый клинок описывал вокруг тела замысловатые дуги. Не сталь сверкала, а гибкая лента летела, вилась вокруг тела своего господина. Мечи создавали вокруг Варрона зону недоступности, каждый двигался по своей особой траектории, не скрещиваясь с другим ни на миг. Варрон раскручивался взведенной пружиной, и в каждой раскрутке было от четырех ударов до шести. Едва завод пружины кончался, Варрон легко переходил с горизонтали на вертикаль и разил сверху, потом – снизу и вновь возвращался в горизонтальную плоскость. Варрону гладиаторы дали прозвище «Магн», то есть великий.

Вер встретил удар первого меча щитом, и отбил мечом клинок второго. Отскочил. Варрон стал вновь раскручиваться. Взведенную пружину не остановить. Но ее можно сорвать, заставить мгновенно утратить энергию и разящую силу. Удары клинков вновь обрушились на щит Вера, но, к изумлению Варрона, мечи не отскочили от металла, а будто увязли в поверхности щита – так умел парировать удары один только Вер. Вертушку Варрона заклинило. И тут же последовал молниеносный выпад Вера. Тупой меч не мог пробить лорику⁵⁷, но удар был силен, Варрон охнул от боли и отпрянул.

Противники разошлись. Теперь Варрон стал осторожнее. Но все же не настолько, чтобы отказаться от атак. А Вер, как всегда, был непредсказуем. Его меч один за другим отбил удары обоих клинков («Невозможно!» «Невероятно!» «Как он это сделал!»), а в следующий миг щит обрушился сбоку на голову Варрона. Гладиатор зашатался, его потащило вбок, ноги заплелись, и он едва не упал. Зрители повскакали с мест. Колизей буквально взорвался от крика. Вер театрально вскинул руки и прошелся вдоль сенаторских лож. Элий одобрительно кивнул. Остальные зрители Вера не интересовали.

Варрон несколько раз тряхнул головой, приходя в себя, и вновь ринулся в атаку. Он еще был уверен в победе. В этот раз он выбрал обратную вертушку, когда мечи шли снизу вверх, для Вера очень опасную: клинок Варрона мог подцепить щит снизу и вырвать. Вер пятился, выставив вперед меч. Клинки Варрона били по стали, как зубья неостановимо вращающейся шестерни. У этой вертушки был один недостаток, и Вер знал, какой. В одно из мгновений руки Варрона сплетались вместе. Вер отступал, ожидая нужного мгновения. Вот

---

⁵⁷ Лорика – панцирь, броня.

оно! Вер парировал удар идущего вверх меча, но парировал мягко, без отскока, заставив свой клинок прилипнуть к мечу противника. При этом Варрон не мог пустить в ход второй меч, пока не освободилась первая рука. И хотя его беспомощное состояние длилось лишь долю секунды, этого мгновения было достаточно – ребром щита Вер ударил в сплетенные руки противника. Несмотря на пластиковые наручи, Варрон содрогнулся от боли и прынул вверх. Возможно, удар переломал ему предплечья. Но об этом Вер подумал после. А сейчас он был машиной, созданной сражаться и рубить, пока поединок не закончен. Бешеная ярость охватила Вера. Его хотят лишить победы? Нет, не выйдет! Никогда! Клинок обрушился на шлем беспомощного противника. Варрон повалился на песок, неуклюже раскинув ноги. Воздух лопнул от тысячеголового вопля.

Не сразу Вер осознал, что нанес удар невероятной силы.

Гладиатор вскинул руки жестом победителя и побежал победный круг по арене. «Победа!» – рвался истошный крик из его горла.

При этом он смотрел на себя как бы со стороны и спрашивал с недоумением, почти с презрением: зачем этот крик, эта детская радость? Да, он удовлетворил свою прихоть, но разве можно по этому поводу выражать радость так вульгарно?! Ведь на самом деле он не радуется. Он лишь изображает радость. И победа ему не нужна. Зачем? К чему она?

Зрители в ответ неистово скандировали:

«Вер! Вер! Вер!»

Вер запрокинул голову. Существо, окруженное платиновым сиянием, взмыло в небесную синь и исчезло.

Победитель перевел взгляд на поверженного противника. Варрон не шевелился. Золотой песок возле шлема сделался красен. А потом Веру почудилось, что полупрозрачная аура отделилась от неподвижного тела и заскользила вверх, вслед за улетающим гением.

Кассий бежал к Варрону, а за ним спешили двое младших медиков с носилками. Кассий Лентул с разбегу упал на колени, взрывая песок. Ланцетом перерезал ремни шлема и замер. Девушка с нашивкой младшего медика на рукаве вколола в вену иглу капельницы, не обращая внимания на немую растерянность Кассия. Вер подошел к ним. Остекленевшие глаза Варрона смотрели на своего убийцу и не видели его. Мелкие песчинки золотыми искрами поблескивали на фоне черных зрачков. Но песчинки больше не мешали Варрону.

– Он угодил в лапы к Орку. – Служитель Эскулапа тронул девушку за плечо, давая понять, что все усилия бесполезны.

Осколок шлема вошел Варрону глубоко в висок.

Желание Сервилии Кар было исполнено.

IX

Элий ждал гладиатора на стоянке в своей пурпурной «триреме». Мог бы и не ждать. Зачем сенатору встречаться с гладиатором-убийцей? Но Элий демонстративно распахнул дверцу, и Вер плюхнулся рядом с ним на заднее сиденье.

– Кажется, я должен пойти в храм? Таков ритуал? – Он не знал, как надо вести себя и потому был развязен.

– Рим потерял честного мужа, и мы пойдем в храм, чтобы Аполлон очистил тебя от убийства. Но не сразу.

Наверняка Элий думает, что Вер сходит с ума от отчаяния. Но Вер не сходит с ума. Он растерян – да. Его разум мечется зверем в клетке. Гладиатор проклинает нелепость происходящего. Но разве это те чувства, которые должен испытывать человек, убивший товарища?

– Я не хотел его убивать, – сказал Вер. – Варрон погиб из-за маленькой девочки, которую я никогда не видел.

Элий положил ему руку на плечо. Что, если изобразить раскаяние, боль? Может, тогда Вер ощутит и раскаяние, и боль? Но как долго придется изображать чувства? Час? Два? Всю жизнь?

– Куда мы едем? – Вер огляделся. К его удивлению, авто свернуло на Тибуртинскую дорогу.

– На Эсквилин⁵⁸. В больницу.

– Зачем? Варрон мертв. Его нельзя воскресить. Будь у него один шанс из тысячи, я бы дрался за него в следующем поединке! – Хорошая фраза. Благородная. Так мог бы сказать Элий. Играй свою роль дальше, дружище Вер, и у тебя что-нибудь да получится.

– В этой больнице находится Летиция Кар. Я позвонил туда, и мне сказали, что ее состояние резко улучшилось. Она вышла из комы. Полагаю, нам стоит пообщаться со спасенной.

– Она получила жизнь, о чем еще говорить?!

– Хочу задать ей пару вопросов. Ты же будь за дверью. На всякий случай. Так даже лучше. Твоя черная туника может напугать девочку.

Черная туника. Траурная туника. Траур надевают на обвиняемого в суде. Вер будет носить черную тунику до конца Аполлоновых игр. Гладиатор, убивший противника на арене. С ним это впервые. За сорок игр – впервые. Какие муки ожидают убийцу в твердыне Тартара? Верно, свои сорок кругов. И свист плетей, и пронзительный скрежет железа. Как у Вергилия. Но даже мысль о посмертных муках не пробудила жалости к Варрону.

Вместо жалости явился гнев.

Все было подстроено! Домна Сервилия купила клеймо. Явился гений и стал угрожать. Элий подсказал «формулу независимости». И Вер скрепил кровью нерушимый договор с богами. Гений предал. А друг помог убить. Вер почувствовал, как где-то в глубине живота растекается ледяной холод. Но не знакомый сладостный и страшный холод азарта, а совершенно иной, сродни болотной жиже. Нет, это невозможно, Элий вне подозрений. Уж скорее себя Вер может подозревать, нежели Элия. И все же...

– Ответь-ка мне на один вопрос, дружище. Но только не лги.

– Лгать не стоит даже в сенате. Зачем обманывать тебя? – пожал плечами Элий.

– Кто тебя просил передать мне «формулу независимости»? Припомни.

Фраза хлестнула, как пощечина. Лицо Элия перекошилось.

– О чем ты!? Кто меня мог просить? Я позаимствовал ее из кодекса. Моя душа обращена к тебе, а ты обвинил меня в... – Элий замолчал на полуслове.

– Ты что не видишь, как все связано: твоя формула, заказ этой сучки Сервилии и смерть Варрона! – заорал Вер.

Элий верил и не верил... И вдруг мелькнула догадка:

– Ты прав, меня поймали, как самовлюбленного идиота. Месяц назад, выступая в сенате, я упомянул о «формуле независимости». Удачная речь, аплодисменты, текст полностью напечатали в «Акте диурне». Получается...

– Получается, что Сервилия Кар читает «Акту диурну» от первой страницы до последней. Только и всего, – перебил его Вер.

Да, продумано умно! Неведомо как, но Сервилия знала, что гений вмешается в это дело, и рассчитала все. Логично предположить, что Вер обратится за помощью к Элию, и сенатор, непременно вспомнит о формуле. Желание Элия помочь убило Варрона вместе с нежеланием Вера подчиниться. Но почему смерть? Никогда прежде с Вером не случалось подобного на арене, он всегда контролировал удары, всегда разил в полсилы, сознавая, то легко может убить даже тупым оружием. Но сегодня он будто обезумел. Он хотел победить

⁵⁸ Эсквилин – один из холмов в Риме.

во что бы то ни стало! Он дрался насмерть, как приговоренный к арене. Вот именно – приговоренный. Ведь формула независимости – формула смертников. И Вер сделался смертником, едва ее произнес. Зачем он сделал?! Если бы можно было повернуть время вспять! Нет, он бы не последовал совету Элия. Он бы вышел один против Варрона и против своего гения. И плевать на угрозы! Он бы все равно победил. Сейчас он был уверен в этом. Тогда бы Варрон не погиб. Но не это главное. Тогда бы ложь не победила – вот что важно!

Но что же кроется за таким естественным на первый взгляд желанием Сервилиии Кар, если оплатить его пришлось смертью?

– Варрон погиб из-за меня, – сказал Элий, проводя ладонью по лицу, будто пытался стереть болезненную гримасу. Но у него не получилось.

– При чем здесь ты? Просто эта дрянь Сервилиия провела нас обоих, как школяров.

– Значит, я виновен в глупости. И этому нет оправданий.

Вер не стал возражать. Интересно, что сейчас чувствует Элий? Вер пытался это представить, но не мог. Тогда он впился зубами в руку повыше запястья. И, ощутив во рту вкус крови, подумал: «Наверное, что-то похожее на это...»

Элий тряхнул его за плечо:

– Юний, прекрати, не сходи с ума!

Вер разжал зубы и улыбнулся. Губы его были в крови. Разве он, Вер, может сойти с ума? О нет, никогда! Он всегда *логичен*.

– Элий, а ты исполнил свое *главное* желание? – спросил Вер.

У Элия дрогнули губы, будто он хотел что-то сказать, но в последний момент не посмел.

– Ведь у тебя было *главное* желание? – продолжал допытываться Юний Вер, понимая, что доставляет Элию боль, но не мог остановиться. – Не пытайся спорить или врать. Я знаю – было. Ты исполнил его? Или... проиграл?

Элий отвернулся:

– Сейчас не время об этом говорить.

– Как раз наоборот. Скажи – да или нет?

– Нет, то, *главное*, я не исполнил. Я проиграл... тебе...

Всякий раз, когда Вер выходил против Элия, выигрывал Вер. Всегда выигрывал. И свое *главное* желание Элий проиграл ему.

Повторно брать клеймо нельзя.

Одно желание – одно клеймо. А что Элий загадал, о чем мечтал – неважно... Теперь уже неважно. Гладиаторы редко исполняют свои желания. Гораздо реже, чем кажется простым гражданам. Едва новичок попадает на арену, тут же торопится осуществить мечту. Ту, ради которой терпел столько лишений, ради которой явился в школу гладиаторов и ждал, ждал. Слишком долго ждал. Ждать еще, пока придет подлинное мастерство, просто нет сил. Едва ощутив под подошвами калыцей песок арены, каждый торопится наверстать упущенное. И проигрывает. Ибо новички должны проигрывать умудренным ветеранам. В одно мгновение заветная мечта обращается в прах. После этого остается лишь сражаться за других и утешать гордыню мелкими капризами. Но то, *главное*, ради чего ты вышел на арену, уже никогда не сбудется.

Но в этой истории самым абсурдным было то, что Элий не торопился. Он ждал, он долго выбирал момент. Вер появился на арене на год позже Элия. Первый поединок Вер проиграл ветерану Максиму, фавориту того года. А второй выиграл у Элия. А ведь тот имел к тому времени десять побед! Вер помнил, как Элий лежал на песке, а зрители кричали – одни от разочарования, другие от восторга. О боги, какое лицо было тогда у Элия! Вер кинулся его поднимать, решив, что тяжело ранил противника. Но побежденный оттолкнул его руку.

Элий позволил служителям вытащить себя за ноги в сполитарий⁵⁹, изведая все унижения до конца. Тогда Юний Вер решил, что самолюбие патриций и бойца уязвлено тем, что Элий проиграл новичку. И только сейчас Вер понял, что же произошло на самом деле. Он отнял у Элия мечту.

Второго шанса боги не дают никому.

После того поединка они с Элием сделали друзьями. И натянутости в их отношениях Вер никогда не замечал. Элий не ставил ему в вину *то поражение*. Сейчас Веру хотелось попросить у Элия прощения. За свою победу и еще за что-то. Он даже не знал, за что... За свою силу? За умение? Нет, за другое. Он что-то не сумел совершить. Что-то важное... Но что? О боги, да что это с ним такое? Он сходит с ума? Где его гений? Пусть немедленно подскажет ответ! Но гений не может явиться, формула независимости все еще действует. И некому решить, что делать...

«Трирема» остановилась у входа в главное здание Эсквилинской больницы.

Портик с колоннами из розового мрамора, фронтон с излишне вычурным барельефом, – здание больше напоминало храм. В полукруглом атриуме в глубоких нишах застыли мраморные статуи главных медиков Эсквилинской больницы. Мозаика на полу изображала цветущий луг, в зеленой траве пестрели колокольчики и ромашки. Шаги в атриуме отдавались эхом, и все невольно понижали голоса, будто боялись разгневать бронзового Эскулапа, что расположился на гранитном постаменте возле бассейна с прозрачной водой.

С обитой кожей скамьи им навстречу поднялась Вилда. Этого еще не хватало! Она шагнула к Веру, и в первое мгновение гладиатору показалось, что в руке у нее нож. Потом он понял, что это всего лишь фотоаппарат.

– Ну, как ты себя чувствуешь, Вер? – Вилда нацелила фотоаппарат в лицо гладиатору. – Приятно быть убийцей? Ах, здесь еще и благородный Элий. Сиятельный, ты теперь можешь поделиться с другом своими переживаниями. Ведь и сам ты убивал, не так ли?

– К чему отвечать, – пожал плечами Элий, – если ты исказишь мои слова. Так сочини ответ.

– Гладиатор живет на арене. А все остальное – сон. Ты не скучаешь по арене, Элий?

– Теперь ты реже пишешь обо мне, Вилда. Это меня радует.

Вер понял, что Элий специально отвечает репортерше, чтобы перевести ее внимание на себя, и избавить Веру от докучливых вопросов. Элий думает, что ему, Веру, сейчас тяжело говорить. А Вилда при виде Элия обо всем позабыла. Она, как старый охотничий пес, вцепилась в добычу, и с наслаждением ее рвет:

– Зачем ты пришел? Чтобы навестить Варрона?

– Да, мы направляемся в морг, – кивнул Элий. – Поинтересуемся, достаточно ли холода в морозильнике, и удобно ли нашему другу лежать на металлическом столе патологоанатома.

– Тебе не жаль Варрона, ты бесчувственен! – возмутилась репортерша.

– Умирать так, как умер Варрон, легко, поверь мне. У меня в этом опыт.

Элий говорил эти слова не для Вилды, а для Вера. А репортерша в восторге, знай, строчит в записную книжку.

– Элий, все говорят, что у тебя на правой ноге протез.

– Да у меня и душа искусственная, разве ты не замечала?

Отвечая на вопросы, Элий постепенно отступал к дверям подъемника и увлекал за собой Вера. Едва двери распахнулись, как друзья заскочили внутрь, а Вилда осталась в атриуме. Но Вилда, кажется, удовлетворилась полученными ответами и больше их не преследовала. Друзья вышли на третьем этаже. Длинная открытая галерея проходила вдоль всего

---

⁵⁹ Сполитарий – помещение, куда уносили раненых и мертвых гладиаторов. В Новом Риме это лишь дань традиции, как и многое другое.

корпуса. Слева шли двери в палаты больных. Друзья отыскивали нужный номер и вошли в маленькую одиночную палату без окон. Матовые светильники на стенах, в центре палаты узкое ложе, застланное зелеными простынями. Приборы были выключены, а под простыней кто-то лежал.

– Летиция, – позвал Элий, но лежавшая на кровати не откликнулась.

Вер подумал, что для девочки спящая великовата.

– Летиция Кар...

На зеленой простыне расплывалось темное пятно. Элий сдернул простыню. Девушка смотрела в потолок застывшими темно-кариими глазами. Точно такие же глаза были у Варрона там, на песке в Колизее. Черная полоса на шее, а подушка красна от крови. Они опоздали.

«Девчонка некрасива. И совсем не похожа на Сервилию», – разочарованно подумал Вер, как будто красота жертвы могла что-то значить.

Гладиатор открыл дверь и позвал на помощь. Проходящая мимо женщина в зеленой тунике бросилась в палату. Судя по нашивке на рукаве, она принадлежала ко второй центурии младших медиков Эсквилинской больницы.

– Летицию Кар убили, – сообщил Вер.

Медичка оттолкнула его и склонилась над девушкой. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что ни один слугитель Эскулапа не в состоянии здесь помочь.

– Ты ошибся. – Женщина закрыла простыней лицо убитой.

– Разве она не мертва? – удивился гладиатор.

– Убитая не Летиция Кар. Эта девушка поступила к нам час назад в стабильном состоянии. Я должна предупредить вигилов...

Но Элий схватил ее за локоть и остановил:

– Я – сенатор Элий Мессий Деций, это дело государственной важности. Где теперь Летиция Кар?

Сенаторское звание Элия произвело на медичку должное впечатление. Но девушка мало что могла рассказать. Днем Летиция Кар пришла в сознание, при этом она выглядела так, будто никогда и не была больна – соскочила с постели и даже пыталась выйти погулять в перистиль. Ничего подобного в Эсквилинской больнице еще не видывали! Сервилия с утра находилась в палате, как будто ожидала подобного чуда. За Летицией вскоре прибыла медицинская машина, и девочку отправили неизвестно куда. Летицию сопровождал медик в тунике и брюках с узкой пурпурной полосой. Кассий? Веру почудилось, что медичка намекает именно на него. Кассий дежурил в Колизее, а потом повез тело Варрона в морг. Разумеется, после этого он мог заняться отправкой Летиции.

– Похоже, здесь нам больше нечего делать, – вздохнул Вер.

Он уже шагнул к двери, когда Элий остановил его.

– Там что-то лежит около кровати. Подними, – прошептал сенатор одними губами. – У меня что-то с ногой, – сказал громко.

Гладиатор нагнулся, делая вид, что осматривает больную ногу Элия. Возле ножки кровати лежала детская булла⁶⁰. Шнурок был порван. Видимо, Летиция так торопилась, убегая, что не обратила внимания на потерю амулета.

– Может, я тебе помогу? – поспешно предложила женщина в зеленом и уже сделала движение нагнуться.

– Не надо, – отстранил ее Вер. – Это скорее дело сапожника. Сломалась подошва.

– Я всегда говорил, что третья центурия шьет отвратительную обувь. Хотя они получают деньги из казны за обслуживание инвалидов, – нахмурил брови Элий.

⁶⁰ Булла – охранный золотой амулет, ребенок носил буллу до 14–15 лет.

Когда они вышли на галерею, Вер отдал Элию найденную буллу.

– Зачем было убивать девочку? – прошептал Элий, прижимая золотой амулет к груди, проверял, хранит ли тот связь с хозяйкой или нет.

– Ты ожидаешь новых событий? – спросил Юний Вер.

– Пока падают только листья. Но скоро начнут валиться деревья, – ответил сенатор известной поговоркой.

– Надо помочь девочке, – произнес Вер с неожиданной горячностью. – Я исполнил для нее желание на арене. Этого мало. Там я играл в смертельную игру, но теперь все иначе. Я должен спасти ее, а не играть. Разве ты не чувствуешь, как она хочет жить? Ты сам говорил, что любой ребенок имеет право на жизнь...

Вер замолчал. Понял: он хочет спасти Летицию, потому что этого хочет Элий. Неужели он не способен желать и действовать сам? Именно он, Вер!

– Но ее смерть для кого-то значит очень много, – напомнил сенатор.

– Знаю. Но мне на это плевать. Кстати, у тебя в самом деле сломалась подошва. Потому ты и хромаешь сильнее обычного, – сказал Вер. – И неужели ты шьешь кальцеи в третьей центурии? Ни один сенатор туда не заглядывает.

– Именно поэтому там шьют такие отвратительные кальцеи и сандалии.

Х

Марция сидела в мастерской и пила разбавленное водой фалернское вино. Глиняная, грубая чаша, покрытая красной глазурью. Ее собственная работа. Элий всегда пил из прозрачного кубка с ажурной сетью узора из зеленого стекла; старинного кубка, которому более тысячи лет. Они с Элием различны, как их чаши: он – тончайшее стекло, которое может разбиться от неловкого прикосновения. Она – грубая глина. Но точно так же бьется. Марция нравилось подчеркивать их несходство. Если ей хотелось кричать, она кричала громко, до визга. Если что-то ее бесило, она била посуду и кидала вещи, хотя нетрудно было сдержаться. Но она нарочно закатывала истерики, потому что Элий бывал сдержан. Он говорил тихо, даже если голос его дрожал от отчаяния. Если они станут похожими друг на друга, их любовь исчезнет так же мгновенно, как родилась. Марция дважды разбивала незаконченный бюст Элия не потому, что мрамор оказывался окончательно загубленным, а потому, что на нее накатывал очередной приступ ярости.

Третий бюст был завершен почти чудом. Когда он, уже готовый, был водружен на постамент, Марцию охватило желание немедленно расколотить мраморную голову своего возлюбленного. Она спешно выскочила из мастерской. «Скульптор всю жизнь борется с несовершенством. Достигнув совершенства, он погибает», – любил повторять ее учитель Манлий. Ни одну скульптуру Манлий так и не закончил. Боялся, что какая-нибудь из его работ окажется совершенной. Чтобы прокормиться, он брал на обучение учеников или изготавливал саркофаги, украшенные великолепными барельефами. Мраморные фрукты и цветы хотелось немедленно сорвать, лошадей запрячь в колесницы, а на алтарь бросить зерна фимиама. Но гладкий мраморный медальон, предназначенный для профиля будущего владельца, разрушал иллюзию совершенства. И резец неизвестного подмастерья в далекой Антиохии или Кельне наскоро вырезал лицо умершего. Манлия называли живым богом Афродисия⁶¹. Богом, который ничего не может довести до конца.

Манлий уговаривал свою любимую ученицу остаться в Афродисии и предаться искусству душой и телом. Самозабвенно. Как предаются только искусству, да еще разврату. Она

---

⁶¹ Афродисий – город на территории современной Турции. В древности был известен своим сортом мрамора удивительного голубоватого оттенка и своими скульпторами.

уже готова была согласиться. Но потом будто тихий, но настойчивый голос позвал ее. Это Рим ждал ее возвращения. Ни один город не был хорош для Марции, даже роскошный, населенный бесчисленными статуями Афродисий. Только Вечный город. И она вернулась. Рим почти сразу же потребовал от нее жертвы. Она вышла замуж за банкира Пизона, хотя не испытывала к Пизону никаких чувств. Но когда выходишь замуж за банкира, не о чувствах думаешь – о деньгах. Пизон говорил о деньгах вдохновенно. И еще он трахался со всеми служанками в доме, не находя нужным это скрывать.

Марция не любила вспоминать о Пизоне. Но почему-то вспоминала постоянно.

Сейчас она пила вино и рассматривала стоящую на деревянном помосте глыбу мрамора. Обтесанная вчерне, она уже содержала намек на форму. Угадывалось стоящее вертикально человеческое тело. Отставленная в сторону нога. Гордо откиннутая голова. Стоило прищурить глаза, и можно было угадать нечто большее.

Марция поднялась и, держа чашу в руках, обошла каменную глыбу. Инструменты лежали в ящике, ожидая, что она возьмет их в руки. Марция медлила. А если так и оставить глыбу? Не человек, но намек на человека, не лицо – но лишь едва угадываемые скулы, резкий прочерк носа, будто залепленные воском глазницы. Лишь высокий лоб отчетливо и мощно выламывался из камня. Красивый лоб. Красивая голова. Марция отставила чашу и, встав на скамейку, погладила незавершенную статую по плечу, будто пыталась под слоем мрамора нащупать упругие мускулы гладиатора. Статую Вера заказал ей Римский исторический музей. Гладиатор, выигрывавший трижды Большие Римские и дважды Аполлоновы игры, должен быть увековечен в мраморе.

– Неплохое начало. Но смотри, не ошибись, не затащи и этого гладиатора к себе в койку, – раздался за спиной насмешливый голос.

Марция вздрогнула всем телом и медленно, стараясь унять охватившую ее дрожь, обернулась.

Перед ней стоял невысокий крепко сбитый молодой человек. Лицо его с черными выпуклыми глазами и крупным ртом было почти красиво, если бы... Марция так и не смогла понять, что же портит лицо незнакомца, потому что он улыбнулся, и первое неприятное впечатление исчезло. На госте было новомодная двуцветная сине-белая туника и открытые греческие сандалии с узорными ремешками.

– Как ты сюда попал? – она не нашла нужным придать своему голосу хоть каплю любезности. – Терпеть не могу, когда приходят без спросу!

– Надеюсь, ты простишь своего давнего и самого горячего поклонника...

– Кто ты? – оборвала Марция его признания.

– Гай Бенит Плацид – это имя тебе что-нибудь говорит? Мой отец – Гай Гарпоний.

– Если твой отец банкир... – начала она неуверенно.

Нет, она ошиблась, того богача звали Гарпоний Кар, и он давно умер.

Бенит рассмеялся:

– Мой отец – штукатур из третьей центурии Римских художников стенной живописи и штукатуров. Звучит гораздо хуже, чем денежный мешок, не так ли?

Он явно намекал на Пизона, но Марция почему-то не разозлилась. Наглость этого типа ей импонировала. Она любила дерзких. А дерзкий и наглый – почти одно и то же.

– Ого, доспехи Цезаря! – Бенит подошел к деревянной кукле, облаченной в золоченый броненагрудник с замысловатым рельефом; потрогал висящий на поясе куклы кинжал с золотой рукоятью. – Хочешь изваять наследника в полный рост?

– Хотела. Но решила сделать только бюст.

– Наши желания всегда не совпадают с нашими возможностями. Я – маляр, а хотел стать скульптором.

– Одно время я занималась стенными росписями, – призналась Марция. – Но теперь оставила это.

– Что же тебе помешало? – Он взял резец и приставил его к незавершенной статуе Вера, будто отыскивал место, куда собирался всадить резец, как нож.

– Что ты делаешь? Положи на место! – крикнула Марция.

Бенит изобразил шутливый испуг и отступил.

– Так что тебе помешало расписывать стены? – Он вертел в пальцах резец все быстрее и быстрее.

Марция пожала плечами:

– Наверное, мой гений.

– Ты его видела?

– О нет. Ты же знаешь, со своими гениями встречаются лишь гладиаторы да избранники богов.

– Абсурд! Люди с творческой душой постоянно общаются с гениями. Если у них достаточно таланта, разумеется. – Он и не скрывал, что оскорбляет ее намеренно.

В этот раз Марция разозлилась.

– Убирайся, – прошипела она.

– Не смею ослушаться, – Бенит поклонился и шагнул к двери. – Но я не понимаю, почему ты сердисься. Может быть, тебе не нужны скульптуры? Может, мечтаешь о чем-то другом? Подумай об этом, если ты умеешь думать.

Когда дверь за ним закрылась, Марция сообразила, что этот наглый тип унес ее резец. Ее инструмент! Марция выскочила в перистиль, потом в атрий. Но наглеца уже и след простыл. Пока Марция звала Котту, пока тот примчался, на ходу отряхивая перепачканный мукой фартук, прошло несколько минут. Котта пустился в погоню, однако, как показалось хозяйке, без всякой охоты.

«Зачем Бениту резец?» – бормотала Марция, возвращаясь в перистиль и обходя вокруг маленького бассейна, по углам которого застыли в пляске мраморные сатиры. У одного из них оказалась отбита рука. Срубленная резцом кисть валялась на мозаичном полу – крошечная кисть человека... или ребенка... кто бы мог подумать, что ручка ребенка так похожа на ручку сатира, уроды... Уроды... Марция вздрогнула всем телом.

Детей не будет. У нее никогда уже не будет детей.

Наконец послышались шаги.

– Котта! – крикнула Марция.

Но появился не Котта. В перистиль, немного сутулясь и старательно растягивая губы в улыбке, вошел худенький юноша с бесцветным лицом, несоразмерно длинными руками и короткими ножками. На его уродливом теле пурпурная тога казалась почти издевкой.

– А, это ты, Александр. – Она попыталась улыбнуться, но при этом продолжался хмурить брови, а ноздри ее тонкого носа раздувались в ярости. – Один подонок разозлил меня ужасно. Так что не обращай внимания, если я буду ругаться вслух.

Цезарь смотрел на нее с испугом и восхищением одновременно.

– Пойдем в мастерскую, – продолжала она, наконец сумев изобразить улыбку, и взяла его за руку, не замечая, что лицо юноши залилось краской. – Я закончила твой бюст. Ты получился необыкновенно похож. Но при этом такой красавчик. Первый красавчик в Риме, с Марсом в глазах!

«Посадить Марса в глаза», – было любимым выражением Манлия.

«Любой урод делается неотразим, если посадить ему Марса в глаза!» – любил повторять учитель.

– Август будет доволен. – Цезарь следовал за Марцией и смущенно улыбался.

– А ты?

– Боголюбимая Марция... – начал он и задохнулся, не зная, что еще сказать.

Она подвела его к закрытому покрывалом бюсту и, придав лицу торжественное выражение, сделала знак приготовиться. Цезарь замер, глядя на покрывало. Марция жестом фокусника сдернула ткань. Цезарь увидел своего двойника, лоб и щеки которого отливали голубизной, как и положено отсвечивать благородному афродисийскому мрамору. Бюст получился необыкновенно похож и в то же время красив, лицо дышало благородством.

– О, Марция, ты равна небожителям, – пролепетал юноша.

В ту же минуту что-то внутри каменной головы треснуло, и мрамор медленно, будто нехотя, принялся раскалываться надвое. Одна половина его осталась на постаменте, а вторая рухнула к ногам Марции. Цезарь отскочил. Лицо его посерело от страха, глаза бессмысленно выпучились. И тут за его спиной распахнулась дверь. Цезарь с визгом забился в угол.

На пороге стоял Котта.

– Ты догнал его? – спросила Марция, уже заранее зная ответ.

Котта отрицательно покачал головой. Тогда Марция схватила молоток и швырнула им в нерадивого прислужника. Но Котта ожидал вспышки гнева и вовремя скрылся за дверью. Молоток ударил в дверь и выбил узорную решетку. Цезарь испуганно вскрикнул, будто Марция метила в него.

XI

Большая гладиаторская школа возле амфитеатра Флавиев давно уже не принимала новых учеников. В маленьких каморках без окон, освещавшихся лишь через двери, что выходили в окруженный колоннадой двор, теперь при искусственном свете располагались музейные экспонаты. Перегородки между комнатками снесли, убрали гладиаторские лежа, так что вокруг арены образовалась галерея, где были выставлено старинное оружие, картины, изображавшие сражения гладиаторов и травлю, скульптуры, мозаики, геммы. На огромном полотне в золотой раме высились горы пронзенных стрелами львов, леопардов, медведей, страусов, носорогов. Среди этой кровавой мешанины деловито сновали люди, забрызганные кровью. Картина была написана столь натурально, что у зрителей невольно подкатывала к горлу тошнота. Детей обычно не водили к этой картине. Она висела здесь уже многие годы, трижды реставрируемая (дважды меняли попорченный временем холст) неммым укором прежним нравам, прежней жестокости, беспощадности и равнодушию, когда за один день на арене могло быть уничтожено несколько сотен животных. Именно после ее показа на большой осенней пинакотеке в Риме была запрещена травля зверей. Защитники животных расхаживали с копьями в руках и скандировали: «Спасем наших братьев, носящих шкуры!» В тот год вместо бестиариев, убивающих четвероногих тварей, на арену вышли бестиарии-дрессировщики. Отныне тигры и львы прыгали через горящие кольца и потешали публику прочими почти человеческими хитростями. Их показывали в Колизее в те дни, когда не было игр, или в перерывах между боями. Эти представления назывались детскими. Удивительно, сколь гуманным стал мир за каких-нибудь шестьсот лет. А между тем последние «смертельные» игры устраивались всего лишь восемьдесят лет назад. Смотреть, как гибнут люди, почему-то не считалось аморальным. Поединки прекратили по другой причине. Убийца одержал победу на арене и вышел на свободу, после чего он вырезал целую семью. Тогда «смертельные» игры наконец запретили. В одной из комнат музея этому событию посвящен целый стенд. Чуть меньше, чем восстанию Спартака. Историки, начиная с Плутарха, придали фракийскому гладиатору романтический ореол борца за свободу. Этот образ так утвердился и окаменел, что развенчать его уже не под силу никому, хотя недавно вышедший библион Макрина живописал зверства, творимые восставшими рабами, с тошнотворными подробностями. Но даже Макрин не посмел представить Спартака зверем.

В Новый храм Счастья ⁶² нельзя было попасть, не пройдя музейный комплекс Большой школы.

Некто без устали напоминал гладиатором, что их предшественники проливали кровь на арене всего лишь ради чьей-то прихоти, исполняя одно-единственное желание – развлекать. Самое страстное, самое неодолимое желание. На учебной арене навсегда застыли статуи двух гладиаторов – чернокожий ретиарий потрясал трезубцем, а его противник ловко уворачивался от брошенной сети. В драпированной пурпуром ложе расположились скульптуры императора и сенаторов, явившихся поглядеть на тренировку бойцов. Желтый песок арены щедро полили красной краской.

Вер остановился напротив ложи. У мраморного императора было простецкое блиноподобное лицо. Скульптор придал ему сходство с императором Титом. Ну что ж, так оно и должно быть. Флавии построили Колизей. Кому как не Титу, устройтелю стодневных игр, сидеть в этой ложе и вечно любоваться кровавой схваткой. Ведь он смотрел сто дней, как люди выпускают кишки друг из друга.

– Элий, что ты чувствовал, когда выходил на арену? – спросил Вер, когда они вышли в сад, окружающий храм.

Вдоль мощеной белым камнем дорожки расположились мраморные и бронзовые скульптуры известных гладиаторов. Некоторые одерживали по сотне побед. Разумеется, уже в те времена, когда приняли закон о применении только тупого оружия. И о защитных доспехах. Вер смотрел на статуи и в который раз испытывал одно и то же чувство: пусть ему нет равных на арене, все равно среди гладиаторов он чужой.

– Возбуждение. Как любой атлет перед состязанием.

– Что? – не понял Вер, уже позабывший о своем вопросе.

– Я испытывал возбуждение, – повторил Элий. – Гладиатор теперь рискует не больше гонщика или боксера. А случай со мной другого рода. Такое могло приключиться где угодно, но убийца почему-то выбрал арену.

– Тебе нравилось быть гладиатором?

– Одно время – да... Я служил мечте Империи. Хотел, чтобы в мире стало меньше бед. Вполовину, потом еще вполовину, потом еще и еще. Но беды почему-то не убывали.

– Ты был наивен?

– Я и сейчас наивен. Только стараюсь это скрыть... А потом я начал уставать от чужих желаний. Так устал, что стало невмоготу.

Гений является к человеку и объявляет о возможности стать гладиатором лишь после совершения убийства. Сколько бессердечных глупцов убивают ни в чем неповинных людей, надеясь, что к ним с высоты слетит божественный посланец и откроет дверь гладиаторской школы. Гении не являются, убийц казнят или отправляют на каторжные работы. Но число безумцев год от года не иссякает. Арена манит. Платиновое сияние в вышине мерещится слишком многим.

Вер пришел в гладиаторскую школу, дабы поразить мир. Он не знал, как это сделать, но чувствовал, что способен свернуть горы. Стоит выйти на арену, и он пожелает нечто такое, что разом преобразит мир. И что же? Он вышел на арену, он побеждал, но тайна ему не открылась. Потом стал надеяться, что, исполняя чужие желания, он достигнет неведомой цели. У него было больше всех побед из нынешних бойцов, но он ни к чему не приблизился. Чужие желания бросали его, как волны, вверх-вниз, не позволяя сдвинуться с места. Другие гладиаторы тоже сражались неведомо за что. Может, на потеху? Но такой ответ не мог удовлетворить Вера, даже если он был правдив.

---

⁶² В Древнем Риме храм Счастья стоял на Велабре (площадь между Капитолием и Палатином), к северу от Бычьего форума, сгорел и не был восстановлен.

«Нет попутного ветра кораблю, который не знает, куда плыть», – писал Сенека. Вер не знал, куда направить свою трирему.

– А что ты чувствовал, когда умирал на арене? – спросил Вер.

Он знал, что может задать этот вопрос сейчас. Гладиатору многое позволено. Гладиатору, который убивает – вдвойне.

– Я не верил, что умру. Кровь текла, но мне почему-то казалось, что ее бесконечно много. Будто я – родник, и кровь будет течь из меня бесконечно, и никогда не иссякнет. А потом все вокруг как будто провалилось. – Элий помолчал. – А дальше не помню...

Элий, едва оправившись после операции, уехал в Альпы, и три месяца лазал по скалам, взбирался на вершины без страховки, используя лишь силу рук и цепкость пальцев. Многие считали его поступок безумием, другие восхищались смелостью. Кое-кто пытался доказать, что это дешевый показательный трюк. Но Элий относился к подобным намекам равнодушно. Если он что и доказывал, то только самому себе: меч Хлора не превратил его в калеку.

Вер глянул на очередную бронзовую статую. Любому гладиатору известно имя Максима Монстра – лицо его было так изуродовано, что он никогда не поднимал забрало, и ходил в металлическом шлеме даже на улице. И здесь, обронзовевший, он тоже стоял в шлеме, за решеткой которого можно было угадать лишь блеск глаз из цветного стекла.

– Многие считают, что гладиаторы вновь должны драться боевым оружием, – сказал Вер, смотря в стеклянные глаза Максима.

– Ты бы хотел убивать каждый день?

– А что ты чувствовал, когда убил впервые?

Элий не отвечал. Ну что же он медлит, почему не говорит. Элий умеет быть таким красноречивым! Вер повторит его слова и почувствует то же, что и Элий, – раскаяние, боль, досаду, отчаяние. Или что там еще...

– Говори, – потребовал Юний Вер.

– Ощущение чудовищного абсурда. И желание вернуть все назад. Я стоял и оглядывался по сторонам, будто хотел найти рычаг, который надо повернуть, чтобы обратить время вспять.

Элий вновь замолчал.

– Говори! – заорал Вер, боясь, что упустит настрой и не поймет, что же чувствовал Элий. И Вер ощущал подобное. Ему тоже хотелось обратить время вспять. – Говори... – повторил он, тяжело дыша.

– Ты требуешь невозможного.

– Говори! Расскажи все, как было! Все-все! Расскажи об убийстве. Когда в тебе открылся дар гладиатора! Ведь мы с тобой оба убийцы! И ты мой учитель. Говори!

Элий превозмог себя и уступил.

– Это было в Счастливой Аравии. Я поехал туда вместе с двумя жрецами Либерты. Ты знаешь, они собирают деньги в фонд освобождения рабов и отправляются на невольничьи рынки выкупать пленных. Занятие сколь благородное, столь и опасное. Если повезет, привезешь десяток рабов, не повезет – погибнешь, или сам наденешь рабское ярмо. На одном из оазисов в пустыне нас ждал посредник с живым товаром. Жрецы Либерты и раньше имели с этим человеком дела и доверяли ему. Охранников мы взяли только двоих. Лишний охранник – это как минимум трое невыкупленных пленных. Средств у фонда Либерты не так уж много, и жрецы экономили на всем, в том числе и на охране. Я как волонтер не получал на свое участие ни асса. Но я был восторжен и глуп. Ну, пусть не глуп, а наивен. Мне мерещился где-то посреди пустыни прекрасный храм, в чьи золотые ворота мы войдем в венках и белых одеждах и введем за собою выкупленных рабов в шапочках вольноотпущенников. Вместо этого мы очутились в какой-то дыре – несколько глинобитных домиков, и кучка растрепанных пальм. Поначалу все шло гладко. Малек – так звали работоторговца – с двумя помощни-

ками привел двадцать пленников, которых перекупил на невольничьих рынках. Как сейчас помню, мы сидели в хижине, пили финиковое вино и ели лепешки с курагой. Жара стояла невыносимая. В такую жару люди плохо помнят, что делали вчера, и что надлежит делать сегодня. Малек не отпускал нас, и все пытался доказать, что, торгуя живым товаром, делает доброе дело, что человек по сути своей – раб, а свобода его только портит. Жрец Либерты, не смотря на всю свою сдержанность, вспылал, начал спорить, дошло до драки. Охранники их разняли, и мы отдали Малеку деньги. И тут же в хижину ворвались парни, вооруженные дамасскими клинками. Головы их были замотаны грязными тряпками. Нападавших было четверо. Малек и его люди кинулись к задней стене, где для них заранее был подготовлен выход. Я не верил Малеку, и потому взял с собой оружие, но винтовку пришлось оставить у входа в хижину. Зато пистолет, который я прикрепил к щиколотке, под широкими брюками, благо одет был по-восточному, и нож остались при мне. Я наклонился, чтобы вытащить спрятанный пистолет, и услышал над головой странный свист. Уже когда все кончилось, понял, что это дамасский клинок просвистел над моей головой, и я чудом спасся. Выпрямившись, я в упор выстрелил в человека, который замахивался вновь. Лица не видел – тряпка скрывала черты. Пуля угодила нападавшему в грудь, и его отшвырнуло на стену хижины. Он стал подниматься. Я выстрелил еще раз. Он сполз на земляной пол. Стена хижины была в крови. Неужели так просто убить? В человеке должен быть неизмеримый запас прочности. А все оказалось не так... человек хрупок... уязвим... Помню, тряпка у него на лице сделалась алой... – Элий замолчал и облизнул губы. На висках его выступили капли пота. Будто он был вновь там – на затерянном в пустыне оазисе, слуга богини Свободы и новоявленный убийца. – Один из жрецов был убит, второй ранен, но мы одолели. Из убийц в живых остался лишь один, его скрутили наши охранники. Оказалось, что напали на нас не разбойники, а жители деревушки. Зачем? От наших сделок они тоже получали долю.

– Что ты испытывал в тот момент?

– Край пропасти и ты смотришь вниз... нет, не то... Просто день, яркий солнечный день, а внутри тебя такая тяжесть, что не вздохнуть.

Веру почудилось, что и он начинает испытывать нечто подобное. Слабо, едва-едва. Потом все сильнее и сильнее. Элий заразил его своей болью. И вот, гладиатору уже жаль Варрона. Пусть совсем немного, но жаль...

«Почему он не спрашивает, как убил я? Что испытывал в тот момент? – почти с досадой подумал Вер. – Или его это не волнует? Или мешает проклятая деликатность?»

А он, Вер, ответил бы: я убил, чтобы узнать, есть ли смысл в убийстве. Убил, но смысла не нашел. Вер не пытался бежать с места преступления. Он дождался вигилов и сдался. Но ничего в душе его не изменилось, не сломалось, не перевернулось. Он убил человека, как другие режут ягненка на алтаре. А как бы хорошо, наверное, почувствовать раскаяние и боль! Но откуда он знает, что люди в самом деле испытывают муки совести? Может быть, они притворяются точно так же, как Вер? Гесиод утверждал, что добро и зло – суть одно и то же. Что вражда – обычный порядок вещей, все возникает через вражду и заимообразно. Но нет, Элий испытывает и боль, и жалость! Это Вер *знает* точно.

За три года на арене Монстр убил семерых гладиаторов, несмотря на то, что сражался тупым мечом. Зрители ревели от восторга, когда Максим выходил на арену. В такие минуты на весь Рим гремело – Монстр, Монстр, Монстр! Сам Максим погиб не на арене, а в Субуре, во время пьяной драки. Но он, Юний Вер, не Монстр, он не жаждет по-звериному крови. Он ищет что-то другое. Весь вопрос – что? Может быть, Элий приведет его, как слепого, к цели? Веру казалось, что Элий знает, куда идти.

Но был ли в убийстве, совершенном Элием, какой-то смысл? Поначалу Веру подумал, что да, был. Если рассматривать нападение аборигенов как отдельный эпизод. Но если вернуться назад и вспомнить, что жрецы Либерты решили сэкономить на охране, то выстрелы

Элия выглядят как ошибка, пусть вызванная просчетами других, но все равно ошибка. И сегодняшняя гибель Варрона тоже ошибка – ненужная ярость Вера и дефектный шлем, который не защитил от удара. Может быть, любое убийство – всего лишь следствие чьей-то вины, содеянного десятки, сотни лет назад. Ошибки накапливаются, энтропия возрастает, хаос постепенно завладевает миром. Можно рассматривать ярость и гнев, ведущие к убийству, как ошибки? Гнев и ярость – это два чувства, которые Вер может периодически испытывать. Значит, частица хаоса в нем самом? Ему казалось, что он мог бы совладать с хаосом, если бы кто-нибудь подсказал ему, как это сделать. Но никто не собирался ему подсказывать. Он бродил во тьме, и ничего не понимал ни в себе, ни вокруг.

«Познай самого себя», – советуют мудрецы.

Но в том-то и дело, что Вер не может познать. Он заглядывает в собственную душу и видит непроглядную тьму. Это не порок, а всего лишь неизвестность. Но от этого не становится легче.

– Элий, ты был счастлив, исполняя задуманное другими? – спросил Вер после долгой паузы.

– Порой. Когда удавалось кому-нибудь помочь. Запомнился один случай: несчастная женщина обратилась ко мне, потеряв всякую надежду. Ее единственный сын и еще пятеро мальчишек пошли в пещеру и заблудились. Их искали три дня. Она купила у меня клеймо, и я выиграл бой. Их нашли через три часа после того, как я покинул арену. Одному из спасателей во сне явился гений пещеры и указал тайный ход, неведомый проводникам.

– Я помню, об этом писали в «Акте диурне». Ты запоминал везунчиков, которым обеспечивал успех. А несчастливцев, что поиграли? Ты видел их? Знал, что происходило с ними? Вспомни самое страшное свое поражение.

– Самой страшной была победа, – отвечал Элий. – Та, одержанная мной ради Марции.

Четыре года назад она явилась к нему в дом. Красивая женщина в палле из сверкающего шелка. Ожерелье из крупных изумрудов охватывало ее полную шею. Палла не могла скрыть округлость ее живота. Марция была на седьмом месяце беременности. Едва заметный кивок головы, и точеная рука, унизанная браслетами, кладет на стол завернутую в бумагу пачку денег.

– Мой муж честолюбив, а я – безмерно честолюбива, – она говорила тоном Юлии Кумской в «Медее». Ее голос был так же красив, как голос знаменитой актрисы. Да нет! В тысячу раз красивее! – Мой ребенок должен быть одарен от рождения талантом скульптора, талантом в сто раз превышающим гений Лисиппа.

– В сто раз талантливее Лисиппа? Нелегкое задание! – засмеялся Элий. – Одно такое желание стоит сотни всех остальных...

– Торгуешься? Ну, если ты не уверен в себе, я куплю все клейма твоего поединка. Чтобы прочие желания не затмевали моей просьбы. Ты будешь драться только за меня.

Ему никогда не доводилось исполнять подобное, но для этой женщины он был готов на что угодно. Она ждала ребенка от другого мужчины, а он испытывал неодолимое желание повалить ее на кровать и предаться с ней Венериным утехам. Но вместо этого он любезно улыбался и говорил какие-то пустяки. Он знал, что она просит невозможного, а боги не поощряют дерзких. Но он хотел сделать для нее нечто такое, что уравнивает людей с богами. И он сделал. Элий выиграл поединок. Богам ничего не оставалось, как исполнить обещанное. Однако людям не всегда удается перехитрить богов. Через два месяца Марция родила уродца с огромной головой, вмещающей два мозга, с выпученными рыбьими глазами и расщепленной волчьей пастью небом. Он умер в час своего рождения, не сделав ни единого вдоха. Несомненно, он обладал талантом, превосходящим Лисиппа, но никому не суждено было плоды этого дара узреть. Уже много позже Элий узнал, что подобные желания надо задумывать и исполнять не до рождения ребенка, а до его зачатия. Марция взяла клеймо тайком

от мужа, и потому не решилась прибегнуть к услугам «формулировщиков». Роковое решение. Она просила удивительный талант для своего ребенка, а надо было требовать славу – младенец остался бы жить. Агент Элия догадывался о поджидающей Марцию ловушке, но промолчал – слишком велик был гонорар, обещанный женой банкира Пизона.

Однажды душным летним вечером Марция вновь появилась в доме Элия. На ней был длинный черный гиматий⁶³ до земли, а лицо раскрашено, как у дорогой девки Субуры. Ни слова не говоря, она отстранила Элия и вошла. Черный гиматий упал на пол. Под ним ничего не было, если не считать ожерелья из крупных изумрудов и золотых браслетов на запястьях. Ее тело хранило следы недавних родов – вдоль живота к холму Венеры тянулась темная полоска, а соскам еще не вернулся их нежно-розовый цвет, хотя груди женщины, перебинтованные после ненужных родов, так и не наполнились молоком. Но все равно она была желанней самой дорогой красотки Субуры.

– Ты ждал меня, Элий, и я пришла. – Ее ярко накрашенные губы растянулись в улыбке. В этой улыбке было все: и дерзость, и похоть, и плохо скрываемая боль. За эту улыбку Элий был готов умереть. – Неведомая сила влекла меня сюда. Почему? Неужели ты выклянчил у богов мою любовь?

– Я никогда не завоевывал благосклонность женщины таким образом.

– Ах, да, я забыла, что ты честен, благородный Элий. Говорят, ты даже не берешь десять процентов комиссионных, если проигрываешь. Но когда ты выигрываешь, проигрывает твой противник. Этот факт не конфузит твою благородную душу?

– Меня многое смущает, ибо наш мир далек от совершенства.

Она первая обвила его шею руками и впиалась губами в его рот. В следующий миг ее руки уже стаскивали с него тунуку.

Они пили вино и предавались Венериным усладам. А потом вновь пили вино. Ночь становилась все душевнее, их ласки все бесстыднее. В складках черного гиматия из тончайшей шерсти был спрятан кинжал. Всякий раз, когда Марция протягивала за ним руку, Элий привлекал ее к себе. Всякий раз рука Марции тянулась к рукояти кинжала все медленнее. Наутро она все же извлекла кинжал из ножен и подошла к спящему гладиатору. Но ей лишь казалось, что он спит. Едва она склонилась над ним, как Элий открыл глаза. Он не сделал попытки уклониться или схватить ее за руку, хотя без труда мог ее обезоружить. Он смотрел ей в лицо, и в глазах его не было страха.

– Нельзя желать безмерного, – проговорил он тихо. – Это позволено лишь богам. Я заслужил казнь за свое желание сделать для тебя невозможное.

Она коснулась лезвием его кожи, ожидая, что он попытается ей помешать. Но Элий по-прежнему лежал неподвижно, глядя ей в глаза. Она вела кончиком лезвия по его груди, сначала лишь царапая кожу, потом нажала сильнее, из надреза выступила кровь.

– Когда я дойду до живота, твои внутренности вывалятся наружу.

Лезвие соскользнуло с грудной клетки и вонзилось глубже. Элий не двигался. Он лишь тяжело дышал и изо всей силы стискивал кулаки. Он был уверен, что Марция собирается его убить. Но он думал лишь о том, что в последнее мгновение у него должно хватить силы вырвать кинжал из ее рук, чтобы вигилы подумали, что произошло самоубийство. Он не мог допустить, чтобы эту женщину посадили в карцер. Но Марция не убила его. Она лишь провела на теле Элия кровавую полосу от горла до лобка и ушла. А Элий лежал на кровати неподвижно, чувствуя, как капли крови стекают из разреза по коже на простыни, и плакал. Он не чувствовал боли. Он плакал от отчаяния. Ибо он, гладиатор, исполнитель желаний, не смог исполнить свое главное желание. И заветное желание женщины, которую любил, он теперь исполнить не может.

---

⁶³ Гиматий – плащ.

Порез был неглубок, Элий даже не мог истечь кровью. Медик Эсквилинской больницы, накладывая швы, не стал спрашивать, кто нанес гладиатору столь странное ранение. И если присмотреться, тонкий белый шрам можно было отыскать на теле Элия до сих пор.

Через месяц Марция ушла от банкира и поселилась в доме Элия.

– Порой ошибка гладиатора разрывает человеку сердце, – проговорил Элий вслух и тряхнул головой, прогоняя тягостные воспоминания. – Но гладиаторские игры – знак избранности Империи. Краеугольный камень ее фундамента. Камень, сброшенный с неба самими богами. Как когда-то был сброшен с неба священный щит Нуме Помпилию. От дара богов не отказываются.

– А, может, лучше отказаться? – спросил Вер. – Да, мы преуспели в чудесах. Лишь одно из тысячи таких дел, какие выигрывают гладиаторы, может решиться положительно в обычной жизни. Вместо одного шанса из тысячи мы получаем один из двух. Но что-то в этом случае мы теряем.

Они уже подошли к храму. Возле одной из мраморных Муз Праксителя⁶⁴ стояла молодая женщина в двуцветной тунике. Глаза ее опухли от слез, на щеках потеками расплылась краска. Ее лицо показалось Веру знакомым... Он лихорадочно пытался вспомнить, но что-то мешало.

– Юний Вер? – спросила женщина.

Вер кивнул. Тогда она шагнула к нему и плюнула в лицо.

– Я – невеста Варрона, – объявила она.

Юний Вер тыльной стороной ладони стер слюну. Потом повернулся и зашагал назад. Элий догнал его лишь у ворот Большой школы.

– Ты не будешь приносить искупительную жертву? – спросил сенатор.

– По-моему, жертва уже принесена. Разве не так? – Вер вновь вытер щеку.

XII

В этот раз у входа в гостиницу Вера поджидала толпа репортеров. Они накинулись на гладиатора, как стая воронья, размахивали руками, щелкали фотоаппаратами и выкрикивали вопросы, преследуя добычу до самых дверей, пока Вер не скрылся в атриум. После орущих репортеров служители гостиницы показались немыми. Они лишь бросали быстрые взгляды на знаменитого гладиатора и тут же отводили глаза. Вокруг него тут же образовался круг свободного пространства. Пустота, чем-то схожая с пустотой арены, ждущей, когда будет нанесен первый удар и брызнет кровь. Вер подумал о крови как о чем-то само собой разумеющемся. Арена жаждет крови. Ее рот пересох от слишком долгого воздержания.

Почему он не может прийти в отчаяние?! Схватить вазу с цветами и швырнуть в репортера. Или съездить по скуле служителю отеля за то, что тот лицемерно опускает глаза? Вер желал, чтобы его разум помутился от горя. Он мечтал расплакаться, как ребенок, и сыпать проклятиями, как каторжник. Он хотел бы, чтобы его голос дрожал, а горло пересыхало. Можно ли этому научиться?

– Тебя ждут, – сказал администратор, протягивая Веру ключи, и кивнул в сторону перистилия.

Юний Вер вышел в сад. На ложе в тени лавровых роз⁶⁵ развалился Тутикан. Мерно журчала вода в бассейне, выливаясь из открытой пасти мраморного дельфина. Мраморные нимфы с округлыми бедрами и маленькими детскими грудями резвились в воде.

Тутикан держал в руках чашу – к приходу Вера он успел уже изрядно набраться.

---

⁶⁴ Статуи Муз (Теспиад) были установлены когда-то перед старым храмом Счастья.

⁶⁵ Лавровая роза – олеандр.

– У нас катастрофа... ужасная катастрофа... – бормотал он, икая. – Ни одного договора на завтра. Такого еще не бывало. Ни с кем. Помню, когда Монстр убивал, к нему заказчики мчались со всех ног. Его клейма шли нарасхват. А у тебя – ничего. Так и разориться недолго!

«Я не Максим Монстр», – хотел сказать Юний Вер, но сдержался.

– Быть не может! Нет заявок даже из «Тайфуна»? Они всегда предлагают что-нибудь немислимое, сводя цензоров с ума.

– Ни одной заявки от «формулировщиков», – поспешно ответил Тутикан, и, кажется, немного протрезвел.

– Неужели? «Мечта Кайроса» и «Улыбка Фавна» – все молчат?

– Возьми клеймо для себя – надо же завтра хоть за что-нибудь драться. – Тутикан вновь поднес чашу к губам и только теперь заметил, что она пуста.

– У меня нет желаний.

– Неужели? Как печально – человек без желаний... Ну, так загадай что-нибудь для своих друзей или для любовницы или... Не все равно для кого. Какое-нибудь простенькое желание. Победа сама приплывет тебе в руки. Одно-единственное клеймо. Какая прелесть!

На секунду Вер задумался.

– Хорошо, я возьму клеймо для Элия и загадаю желание вместо него.

– В первый раз слышу о подобном. Это похоже на групповой разврат.

«Надо поскорее сделаться киником, – подумал Юний Вер. – Порой пошлость сходит за мудрость».

XIII

Меркурий смотрел на Юпитера, как тот расхаживал по просторному залу Небесного дворца, то садился на свой золотой трон, то вновь принимался шагать.

«Шаги старика», – отметил про себя Меркурий.

Кальцеи Юпитера шаркали по белым святащимся плиткам, как сандалии старого путника, исходившего тысячи дорог. Повелитель богов был огромен, его голова с гривой темных, густо забеленных сединою кудрей напоминала голову стареющего льва. Но, не смотря на массивность, он казался уже не мощным, а всего лишь тучным. Его широченные плечи оставались по-прежнему крепкими плечами атлета. Зато огромное брюхо, выпиравшее под белой тогой, говорило об ожирении и о пристрастии к амброзии, а отнюдь не о силе.

– Послушай, сынок, – Юпитер кашлянул, и хмуро посмотрел на сидящего в плетеном кресле молодого бога.

Впрочем, какой он молодой – лицо чисто выбрито, волосы кучерявятся, но вокруг глаз тонкие лапки морщин. И рот так хитро изогнут, что сразу выдает возраст.

– Так вот... Разве ты забыл, что мы не вторгаемся на территорию Одина или Перуна. Нам принадлежат Рим и его союзники – и только.

– О, разумеется, доминус. – Меркурий послушно склонил голову.

– Так почему же тогда ты основал в Бирке торговый дом «Гермес и сыновья», и принялся торговать акциями, каждый день самовольно поднимая курс?

– Все дело в том, что у викингов нет подлинного свободного рынка, и потому...

– И потому ты построил финансовую пирамиду, присвоил деньги и удрал, оставив сотни тысяч глупцов в ступоре с квитанциями, которые теперь не стоят и асса.

– Они сами виноваты. Принялись выяснять, велики ли у меня капиталы, устроили панику, и мое предприятие рухнуло.

– А что мы будем делать, если Один узнает о твоем участии в этом деле?

Меркурий хитро ухмыльнулся:

– Ну, это как раз невозможно. Все бумаги зарегистрированы на имя некоего Мария из Петры. А денежки лежат у банкира Пизона.

– Надеюсь, ты когда-нибудь заплатишься за свое надувательство, – предрек Юпитер. – А сейчас займись чем-нибудь полезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.